

Роман Галкин
Татьяна Бисс

Тайна Эрлики

Роман Галкин
Тайна Эрлики

«Selfpub.ru»

2016

Галкин Р.

Тайна Эрлики / Р. Галкин — «Selfpub.ru», 2016

Приключения героев романа «Обреченный взвод» продолжаются. Трем друзьям удалось обмануть смерть в дебрях фиолетовой планеты. Но высокопоставленный недоброжелатель, которому заплатили за их уничтожение, продолжает стремиться к цели. И вот, в составе спецбата "Игла" парням предстоит отправиться на Эрлику - российскую планету, находящуюся в секторе, оккупированном пришельцами из другой галактики. Из этой командировки они не должны вернуться.

© Галкин Р., 2016

© Selfpub.ru, 2016

Содержание

Обреченный взвод – 2	5
Пролог	6
Часть – 1	8
Глава – 1	9
Глава – 2	14
Глава – 3	19
Глава -4	25
Глава – 5	31
Глава – 6	35
Глава – 7	41
Глава – 8	45
Глава – 9	51
Глава – 10	56
Глава – 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Обреченный взвод – 2

Тайна Эрлики

Пролог

Давно куплено уютное поместье на Синтее, расположенное на берегу огромного озера. Полгода назад Бэд Сикорский, встретив свой пятидесятилетний юбилей, готов был подать прошение об отставке. Впереди его ждали годы благополучного существования, подогреваемые заслуженной пенсией и максимальными льготами практически на любой вид бизнеса. Не зря же Бэд отдал четверть века службе Армии Конфедерации. Конечно можно было продолжить карьеру, и через год-другой на его погоне засияли бы генеральские звезды, но... Но кто знает, сколь долго продлится это тревожное затишье на границе с поглотившими Российскую Империю галантами? Потому-то он и выбрал для будущей гражданской жизни не одну из центральных планет, а наиболее удаленную от опасных мест Синтею. Если вдруг галанты возобновят экспансию, и Армия Конфедерации окажется перед ними так же бессильна, как армия русских, то, учитывая прежний темп продвижения, до выбранной Сикорским планеты враг докатится не ранее, чем через два десятка лет. А два десятилетия – это два десятилетия.

И вот, столь благополучные планы нарушил недотепа Хатсон. Мало того, что по его милости три заказа остались не выполнены, так еще и сам майор сгинул где-то на планете седьмого уровня. В принципе, туда ему и дорога. Его гибель снимала с плеч Бэда лишнюю заботу по подчистке нежелательных свидетелей перед выходом в отставку. Вот только как теперь узнать, что там произошло, и что известно трем выжившим солдатам? И кто теперь доделает то, с чем не справился Хатсон?

Настораживал полковника и еще один факт. Дело в том, что ни один солдат отправленной «на списание» команды не подписывал самостоятельно контракт – все подписи были подделаны. Почему же трое выживших не высказывают по этому поводу никаких возмущений, а продолжают службу, как ни в чем не бывало? Пусть двое из них все равно собирались остаться в армии после учебного контракта. Но почему молчит третий? Как выяснил Сикорский, изначально Сол Уиллис был крайне возмущен, узнав о том, что якобы произошла путаница в документах, из которой следовало, что он подписал пятилетний контракт на службу в Армии Конфедерации. Правда, впоследствии, когда Хатсон посвятил солдат в отчасти правдивый план секретной миссии, ни вполне ожидаемых истерик, ни особых возмущений не последовало. Но это объяснялось обещанием немедленной отправки домой по завершении миссии. Отчего же этот чертов Уиллис, выжив в кровавой мясорубке, решил безропотно продолжить службу? Может, у него съехала крыша после пребывания на закрытой планете? Однако в этом случае его попросту списали бы медики...

Два других выживших солдата так же беспокоили душу Бэда некими предчувствиями. Он никогда не был суеверным. По крайней мере, не считал себя таковым. Но все же, почему выжили именно эти двое? Наверняка имеет место всего лишь нелепое совпадение, но все же...

Геркулес Сегура – абсолютно случайный персонаж.

Заканчивался очередной мобилизационный период, а у Сикорского вместо обычных тридцати было набрано всего двадцать девять клиентов. Тогда он впервые совершил несвойственный ему поступок – вместо того, чтобы удовлетвориться набранным количеством жертв, ткнул пальцем в первый попавшийся файл, выбрав в качестве тридцатого случайного человека. Этим случайным оказался Геркулес Сегура.

И вот, когда клиенты перевели на указанные им счета предоплату, и шестеренки запущенного полковником механизма закрутились, с каждым оборотом набирая ход и перемаывая судьбы одних, тем самым решая проблемы других, на личный ком Бэда Сикорского пришел вызов от занимающего значимый пост в Военном Министерстве вице-адмирала

Рудольфа Штица. Результатом этого звонка был новый заказ, полученный от сестры вице-адмирала, супруги довольно известного в Звездной Конфедерации политического деятеля Питера Орчинского. Вероятно, Бэду суждено было в этот раз отступить от принятых правил – не захотел довольствоваться двадцатью девятью жертвами, получи вслед за тридцатым тридцать первого, некоего русского парня Олега Новикова. Как ни крути, а супруга известного сенатора, да и ее братец из Министерства, это не те клиенты, которым можно отказать, или хотя бы попросить подождать.

И надо же было такому случиться, что оба человека, попавших в команду в результате отступления полковником от своих правил, выжили и продолжали разрушать эти самые правила.

В любом случае эту троицу следует уничтожить, и до того ни о какой отставке не может быть и речи.

То, что всех троих пехотинцев определили в одно подразделение, поначалу даже обрадовало полковника – тем проще их контролировать. Однако этим подразделением оказался элитный батальон специальных операций «Игла» – находящийся в подчинении непосредственно у контр-адмирала Нильса Кортнера, командующего разведкой Флота, заслуженно прозванного Пауком.

Соваться в епархию Кортнера было чревато нехорошими последствиями, потому полковник пока удовлетворился пассивным наблюдением. Рано или поздно наступит удобный момент, и тогда он не упустит своего шанса. А ждать Бэд Сикорский умеет.

А пока суть да дело, можно попытаться устроить в «Иглу» своего человека. Не зря Бэд при каждом удобном случае старался приобретать должников во всех структурах Армии и Флота Конфедерации. Вот и сейчас может пригодиться звездный десантник капрал Янис Боев. Не так давно полковник спас задницу этого вояки от казни, изъяв из документации файл с информацией об изнасиловании капралом малолетней девчонки. В результате озверевшие жители поселка, в котором остановился взвод десантников, возвращающийся с учебных стрельб, вырезали беззаботно спящее подразделение. Боев как раз был дежурным и потому бодрствовал, и, заметив разъяренную толпу и поняв цель визита, предпочел сбежать, не разбудив товарищей. Позже, увидев, что местные жители сделали с его сослуживцами, капрал, используя БПР (боевой пехотный робот), сравнял поселок с землей.

Случайно наткнувшись на отправленное в судебное производство дело, Сикорский сообразил, что такой беспринципный головорез может оказаться весьма полезным, и изъял всю информацию вплоть до нападения селян на расположение спящего взвода. При этом он ничем не рисковал, так как информация проходила не по его ведомству, и связать полковника с исчезновением файла было невозможно.

В итоге суд признал уничтожение поселка действием в состоянии аффекта, полученного из-за гибели товарищей, и Янис Боев вместо наказания отправился на лечение в военную психиатрическую клинику, а после в реабилитационный санаторий на одной из курортных планет. Там-то он и получил на коммуникатор анонимное послание с копией затерявшегося файла.

И вот пришло время использовать головореза. Благо и подготовка, и реальный боевой опыт Боева вполне соответствовали требованиям подразделения «Игла». Основной проблемой было пропихнуть капрала туда так, чтобы не светиться самому.

Часть – 1

Эрлика

Глава – 1

Батальон специальных операций «Игла»

– Взвод, по машинам! Через час выходим на орбиту!– зарычал коммуникатор голосом майора Линдгрена. – Еще раз тщательно проверить работу всех систем и доложить о готовности!

Запрыгнув в рубку своего «разведчика» в течение нескольких минут тестирую уже не единожды проверенные системы вооружения и жизнеобеспечения, и в томительном ожидании зависаю в гравитационной раме.

Вот зачем загонять нас в машины за час до выхода на орбиту? Да и на орбите можно проболтаться неведь сколько времени, прежде чем определится удобное для десантирования место.

Нет, я, конечно, понимаю, что подобные действия предписаны правилами, которые написаны солдатской кровью, но все же... Кому же захочется в течение нескольких часов томиться в ожидании...

Попав в спецбатальон звездной разведки мы, четыре месяца кряду, овладевали различными видами техники и вооружения, ежедневно отрабатывали бесчисленные приемы рукопашного боя, учились премудростям ориентирования и скрытного передвижения. Каждый день наш багаж знаний пополнялся новым весомым вкладом, после которого порой буквально подкашивались ноги, и сил едва хватало, чтобы доползти до своей койки.

В роли инструкторов выступали наши же сослуживцы, поочередно вбивая в нас новые знания. Одному из них – сухопарому блондину Бобу Скаю, преподававшему нам навыки владения «малым разведчиком» (МРР – малый разведывательный робот) – Геркулес высказал общее возмущение по поводу того, что мы, трое новичков, несправедливо сверх меры загружены обучением, в то время, как остальные живут по вполне обычному армейскому распорядку. Случилось это в первую неделю нашего здесь пребывания.

– Никаких проблем, дружище, – искренне улыбаясь, развел руками Боб. – В любой момент каждый из вас может обратиться к взводу с просьбой об экзамене, пройдя который вы станете полноправными членами нашего подразделения.

Мы озадаченно переглянулись.

– С просьбой об экзамене? – переспросил Геркулес. – О каком еще экзамене?

– Вы должны будете доказать каждому бойцу нашего взвода, что достойны стоять с ним плечом к плечу, что он может без оглядки доверить вам прикрывать свою спину. Вы должны доказать, что достойны носить звания бойцов разведывательно-диверсионного взвода элитного батальона специальных операций «Игла».

– Вообще-то, мы уже сдали один экзамен, выжив там, где должны были погибнуть, – вполголоса сказал Сол. – Из всего взвода остались только мы трое.

– Должны были погибнуть? Кому это вы так задолжали? – прищурил правый глаз Боб. – И каким образом гибель целого взвода говорит о вашем профессионализме? Тут, скорее, наоборот.

– В чем будет заключаться экзамен? – я поспешил задать следующий вопрос, чтобы увести разговор от скользкой темы.

– Для начала каждый желающий в спарринге проверит вашу рукопашку, – начал объяснять солдат. – Тот из вас, кто после этого не отправится в регенератор, ответит на один вопрос от каждого бойца взвода. Далее, проверка навыков владения различными видами

боевой техники на симуляторах, и, в завершение, стрельба из основных видов вооружения звездного пехотинца.

Геркулес тихо присвистнул, после чего последовало продолжительное молчание, в течение которого Боб выжидательно смотрел на нас с легкой усмешкой.

– И сколько времени обычно уходит, чтобы новичок в должной мере овладел всеми этими знаниями? – наконец спросил Уиллис.

– Всяко бывает, – пожал плечами Скай. – Я, например, решился через три с половиной месяца. А вот Вонгу хватило недели.

– За одну неделю освоил все это? – не поверил я.

– Нет, конечно. Вонг пришел уже готовым к экзамену. Ему лишь нужно было время, чтобы присмотреться к коллективу. До того он служил в дальней разведке, а там парни тоже не промах. Или тот же новичек Янис Боев. Он попал к нам из десанта после одного щекотливого дела, после которого парень оказался на заметке у правозащитников. Но в наше подразделение этим гражданам доступа нет. Боев прошел экзамен на прошлой неделе.

– Если я не пройду экзамен, что со мной будет? – спросил Геркулес. – Отправят в другую, не элитную часть, или совсем попрут из армии?

– Скажу честно, – Боб положил руку на плечо Сегуры. – Я служу здесь шестой год, и за это время не было ни одного случая, чтобы кто-то не прошел экзамен. Но, как минимум половина претендентов самостоятельно сходят с рельс еще в процессе подготовки и пишут рапорт о переводе в другую часть. И это учитывая тот факт, что кого попало к нам не направляют. Каждый претендент, так же, как и вы, обязательно прошел какую-нибудь кровавую мясорубку, проявив чудеса выживания.

Наверняка, попади мы в этот элитный батальон сразу с «гражданки», ни один из нас не выдержал бы и недели таких нагрузок. Но полгода учебки и последующий кошмарный рейд в дебрях запретной планеты научили нас в особо тяжкие моменты отключать сознание и действовать на автомате, словно бездушный механический организм. Вероятно, если бы не специальное питание и еженедельная четвертьчасовая гелевая ванна в регенерационном блоке, человеческий организм попросту надорвался бы от таких нагрузок.

Но, как бы то ни было, по прошествии четырех месяцев я обратил внимание на тот факт, что перестал смертельно уставать к концу очередного тренировочного дня. Добравшись до коек, мы уже не проваливались в сон, едва голова прикасалась к подушке, а находили силы для общения друг с другом и новыми товарищами. И, в конце концов, приняв освежающий ионный душ, мы могли уже позволить себе посидеть часок в солдатском кафе, листая на голопроекторе музыкальные клипы с грудастыми красотками всех мастей. Когда-то я с пренебрежением относился к любителям подобной эстрадной лабуды. В принципе, я и сейчас не воспринимал это дискотечное бесконечное «бум-бум-бум», перемежающееся с незамысловатым набором фраз. Но вот созерцание идеальных девичьих фигур... Сказался год армейской службы в удаленных от цивилизованных мест частях. Украдкой глядя на лица друзей, замечал в их горящих взглядах такое же влечение, какое испытывал сам. Впрочем, солдаты за другими столиками тоже нередко раскрывали голопроекции, на которых в такт музыки извивались популярные певички.

– Если мы стали думать о женщинах, то не пора ли пройти этот чертов экзамен? – усмехнулся Уиллис, когда я поделился своими наблюдениями.

– Не знаю, какую связь ты видишь между женщинами и экзаменом, но мне кажется, что я готов, – заявил Геркулес и, переведя взгляд на панель проектора, начал водить по ней пальцем, выбирая очередной клип.

Никакого серьезного разговора на эту тему не последовало, и потому для нас с Солом оказалось совершенной неожиданностью то, что на следующий день перед завтраком

Сегура, спросив позволения у взводного сержанта Ричарда Стоккера, вышел перед взводом и заявил о своей готовности стать полноправным бойцом подразделения.

Солдаты одобрительно загудели. Кое-кто начал демонстративно потирать руки, растянув губы в плотоядной ухмылке.

Переговорив с капрами, Стоккер отправился в канцелярию, оповестить командира взвода о заявлении Геркулеса.

Как мы уже знали, по традиции в такой день отменялись все плановые занятия, ибо все внимание взвода было сосредоточено исключительно на кандидате. Офицеры, все по той же, неведь откуда появившейся традиции, в этот процесс не вмешивались. Потому, дав устное позволение взводному сержанту на экзаменационную экзекуцию молодого бойца, майор Линдгрэн покинул канцелярию и удалился по своим делам.

– А вы куда? – удивленно воззрился на меня и Сола капрал Томми Вонг, когда после завтрака мы вместе со взводом направились к залу с татами и силовыми тренажерами. Подозвав одного из бойцов своего отделения, он распорядился: – Альберт, погоняй пока салаг по управлению «Саламандрой».

– Окей, Томми, – кивнул тот и подтолкнул нас в направлении помещения с нужными симуляторами, недовольно пробурчав: – Из-за вас я пропущу самое интересное.

В общем, для нас этот день прошел как обычно, за исключением двух моментов – с нами не было Геркулеса, и лица сменяющихся инструкторов выражали недовольство по поводу отвлечения их от увлекательного действа.

Своего товарища мы так и не увидели. Вечером нас не пустили в кафе, приказав отправляться в кубрик.

Лежа в постелях и глядя на пустые койки, мы строили предположения по поводу судьбы Геркулеса и причины столь долгого отсутствия всего взвода. Пожалуй впервые не только за время пребывания здесь, но и за всю службу, никак не удавалось уснуть. В конце концов, измученные ожиданием, мы дали друг другу слово, что завтра непременно сообщим о своем желании пройти экзамен.

Уже засыпая, я услышал, как в кубрик, тихо переговариваясь, вошли остальные бойцы отделения. А может, мне это просто приснилось. Но, как бы то ни было, утром по сигналу «подъем!» абсолютно все солдаты взвода, включая и Геркулеса, вскочили со своих коек и, построившись, побежали на обязательную пробежку.

Вопреки нашим предположениям, и меня, и Уиллиса экзаменовали в один день, то есть на завтра после Геркулеса, когда, после утренней физической разминки мы обратились с заявлением к взводу.

На этот раз сержант дольше задержался в канцелярии. Вышедший вслед за ним майор окинул нас оценивающим взглядом, бросил непонятное: – Ну-ну, – и удалился.

– Это просто праздник какой-то! – радостно воскликнул невысокий, крепко сбитый капрал Лека Муринчик, как только спина командира взвода скрылась за дверью. Тут же начав крутить кучерявой головой, разминая короткую шею, обратился к товарищам: – Братцы, можно я первый займусь малышами?

Следом за капралом загомонили остальные солдаты. Обступив нас и подталкивая к месту экзекуции, они ласковыми голосами наперебой обещали, что будут обращаться с нами достаточно нежно, так, чтобы хватило недели в регенераторе для полного восстановления. У меня даже промелькнула мысль, что Геркулеса вчера напутствовали гораздо менее садистскими пожеланиями.

Так нас и вытолкали на татами обоих одновременно. Затравленно проводя взглядом по окружающим ухмыляющимся ромам, я нерешительно переминался с ноги на ногу. Сол топтался рядом.

Наконец на податливый пластиковый покров вышли первые два соперника – невысокий Муринчик и массивный Вонг. Широко улыбаясь и ничем не выказывая готовности к схватке, Лека направился ко мне самым простецким шагом. Я приготовился протянуть руки для приветствия, с которого обычно начинались спарринги, и в этот момент капрал резко перевел взгляд влево, словно его там что-то неожиданно заинтересовало. Невольно глянув в ту сторону, я тут же получил сильный удар по ногам и подлетел, переворачиваясь в воздухе вверх тормашками. Все же ежедневные тренировки не прошли даром, и упал я уже грамотно сгруппировавшись, и тут же откатился в сторону, ловя взглядом положение противника.

Краем глаза увидел, что Сол тоже сбит с ног, а Вонг, стоя спиной ко мне, еще не опустил правую ногу после удара. Не знаю, почему решил переключиться на соперника Уиллиса, скорее по той причине, что слишком удобно по отношению ко мне он располагался, но, откатываясь от надвигающегося Муринчика, я сходу врезал сметающей подсечкой по единственной опорной ноге Вонга. Вновь опрокинувшись на спину, поймал падающего на меня спиной капрала руками за плечи, а ногами под поясницу. Резко выбросив ноги вверх, перебросил массивное тело Вонга через себя в сторону Леки, который, как потом выяснилось, на мгновение замешкался, опешив от того, что я, будто бы игнорируя его, переключился на другого, предназначавшегося вовсе не мне противника. Однако отскочить от падающей на него туши он успел, после чего обрушил на меня град ударов, завершившийся мощнейшим тычком по ребрам, от которого у меня вмиг перехватило дыхание и потемнело в глазах.

Скорчившись на татами, я не обратил внимание на то, что кто-то перелетел через меня, словно споткнувшись. Это был отправленный в нокдаун Лека. Увлечшись моим избиением, он не ожидал, что Сол последует моему примеру – бить того, кто удобней подставился – и потому пропустил удар, нанесенный Уиллисом в прыжке двумя ногами.

Больше таких легких побед не было. Побед больше не было вообще. Следующие четыре пары бойцов, приняв нашу тактику, не заикливались на одном противнике, при этом либо грамотно разделяли нас, либо заставляли жаться друг к другу.

В конце концов, я уже ничего не соображал и ничего не видел, лишь пытался наносить удары в сторону прилетающих оплеух, если они не сбивали меня с ног. Заплывшие глаза нестерпимо щипало от попадающего в них пота, из носа текла кровь вперемешку с соплями, во рту скрипели обломки зубов, и при этом в голове крутилась лишь одна мысль – хоть как-то достать ненавистного противника.

И вдруг все кончилось. Я еще некоторое время продолжал колотить воздух руками, хрипя и отплеываясь кровавыми слюнями, пока не понял, что меня уже никто не бьет. Не слышно было и подзадоривающего улюлюканья, собравшихся вокруг зрителей. Лишь кто-то негромко переговаривался, но из-за пульсирующего шума в ушах и собственного надсадного дыхания, я не мог ничего разобрать.

Сквозь щелки заплывших, залитых слезами и потом глаз я различал только расплывчатые тени. Кое-как проморгавшись, увидел, что окружавшие татами солдаты выходят из помещения. Одновременно с осознанием окончания первого этапа так называемых вступительных экзаменов, ноги подкосились, и я рухнул на четвереньки. Стоял так довольно долго, борясь с желанием лечь на прохладный пластик, свернуться калачиком и провалиться в сладостное забытие, отрешившись от всего мира. И я уже готов был это сделать, когда вдруг вспомнил, что где-то рядом должен находиться Сол.

С трудом поднял голову и осмотрелся. Товарищ сидел в трех шагах от меня, обняв колени и опустив на них голову.

– Сол, – позвал я.

Уиллис повернул ко мне окровавленное лицо, хотел что-то сказать, но тяжело, с надрывом закашлялся. Доковыляв до него на четвереньках, я сел рядом. Дождавшись, когда Сол закончит кашлять, спросил:

– Как себя чувствуешь? Сильно хреново?

– Нормально, – ответил он, поперхнувшись на последнем слоге, и снова закашлялся. – А здорово ты Вонга уделал! – вдруг произнес он, изобразив на заплывшем лице гримасу, вероятно должную быть улыбкой.

Я тоже в ответ попытался растянуть губы, отчего лопнула уже начавшая подсыхать ранка, и по подбородку потекла капля крови.

– Мы им еще покажем, братишка, – я положил руку на плечи товарища, и, поддерживая друг друга, мы начали подниматься.

Весь взвод уже покинул тренажерный зал и поджидал нас в теоретическом классе. Только долговязая фигура Геркулеса маячила перед дверным проемом. Он смотрел на нас виноватым взглядом и, казалось, пытался что-то сказать, но не мог подобрать слов.

– Не парься, друг, – хлопнул его по плечу Уиллис, когда мы подошли, – Все нормально.

А я подумал, что нам вдвоем сегодня наверное было легче, чем вчера одному Геркулесу.

Глава – 2

Экстремальное приземление

– Внимание! Выходим на орбиту! Взвод, первая степень готовности! – голос майора отвлек меня от воспоминаний и заставил напрячься.

Если не считать учебные высадки, это была моя первая реальная боевая операция в составе подразделения «Игла». Мандраж пробирал еще и от того, что опыта подобных операций не было даже у ветеранов команды. Так же слегка напрягали мысли по поводу состоявшегося накануне разговора.

Вчера перед отбоем Сол отозвал меня и Геркулеса. После того неофициального экзамена нашу троицу раскидали по разным отделениям, и мы теперь жили в разных кубриках, лишившись возможности поговорить перед сном лежа в койках.

– Возможно это паранойя, – проговорил Сол в ответ на наши вопросительные взгляды, когда, пройдя в холл, мы уселись под кадками с пальмами, – но я бы дал пятьдесят процентов за то, что предстоящая нашему взводу разведка спланирована тем самым комбинатором с целью нашего уничтожения.

– Ты о чем? – непонимающе нахмурил брови Сегура.

Зато до меня сразу дошло, о ком говорит наш товарищ.

– Обоснуй, – коротко попросил я.

– Конечно, все это лишь мои догадки, но... – после нескольких секунд молчания начал Сол, – Что мы имеем? Первое, заброска разведывательной группы на территорию, оккупированную галантами. Пусть целью является планета, которую, по непроверенным данным, захватчики покинули и даже обходят стороной, но все же. Нет, я конечно понимаю, что узнать причину, заставляющую пришельцев из другой галактики сторониться этой планеты, крайне важно. Но почему из девяти взводов батальона выбор пал именно на наш, на десять процентов состоящий из новичков? Я понимаю, что у начальства по этому поводу могут быть какие-то веские аргументы, о которых нам знать попросту не положено, но... Но, если вспомнить о комбинаторе, и о его невыполненных заказах, то почему бы не сложить одно с другим. В сущности, попав в одно подразделение, мы значительно упростили его задачу. Другое дело, мы теперь не те зеленые новобранцы, прошедшие легкие курсы общевоинской учебки и возомнившие себя крутыми воинами. А наши сослуживцы и вовсе ветераны, прошедшие не одну боевую операцию в различных, так называемых, локальных галактических конфликтах. Так нас и суют в гораздо более глубокую задницу.

Уиллис замолчал в ожидании наших ответов.

Честно признаться, за последнее время я совершенно забыл о некоем комбинаторе, по заказу отправляющем на смерть молодых парней. Более того, мне все меньше верилось в подобное. Даже подслушанный мною разговор между Раттом и майором, и то, что Хатсон после этого стрелял в нас, казалось теперь каким-то чудовищным недоразумением. Скорее всего майор хотел скрыть какой-то свой просчет, в результате которого был практически уничтожен взвод и, возможно, сорвана секретная операция. А Ратт попросту напел нам небылиц, преследуя известную только ему цель. А с другой стороны, никаким объяснениям не поддавался тот факт, что на секретную операцию отправили наскоро сформированный взвод из не имеющих абсолютно никакого опыта выпускников разных учебок, по профилю профессий не подходящих для подобных задач, да к тому же большинство из которых вовсе не собиралось продолжать службу в армии, а имело твердые намерения вернуться на родные планеты.

– Ну что скажете? – не выдержал Сол.

– А что тут сказать? – я развел руками. – Мы в армии, а значит обязаны выполнять приказы.

– Знаете, парни, – поднялся Геркулес, – а я вот уверен, что мы выживем. Мы обязательно выживем! Дослужим до первого отпуска, и тогда разберемся с этой проблемой. Пусть я еще год не увижу родную планету, но если есть виновные в гибели наших товарищей, то они должны быть наказаны.

– Представляешь, сколько виновных может оказаться, если все, что нам наплел Ратт, правда? – я вопросительно посмотрел на товарища.

– Сколько?

– Не считая самого комбинатора, еще тридцать один заказчик. И это самый минимум. Наверняка у этого типа есть пособники вроде Хатсона.

– Значит доберемся до него, и визнаем все про остальных, – заявил Геркулес.

– Я как-то уже говорил об этом, – напомнил Сол. – У нас нет никаких наводок на комбинатора, а значит вычислить его пока не представляется возможным. Зато нам известны те, кто нас заказал.

– Мне не известно, – отрицательно покрутил головой Сегура.

– Через них, – продолжил Уиллис, – можно выйти на самого комбинатора. Уж я-то своего брата расколю без особых усилий. Хоть и нет желания мараться, но ради погибших товарищей...

– Взвод, готовность тридцать секунд! – вновь вернул меня к реальности голос командира.

Впереди уже мерцал далекими звездами раскрытый зев палубы. Истекли последние секунды, и десантные рамы одна за другой вывалились в пространство. Повисев несколько мгновений, они гуськом потянулись вслед за командирским ботом.

Под нами простиралась ночная сторона планеты, все больше заслоняющая непроглядной тьмой звездные просторы Космоса. Как встретит нас этот мир? С чем предстоит столкнуться? И, самое главное, как возвратиться назад?

Наверняка последний вопрос вызывал нехорошие сомнения у каждого бойца нашей группы. До ближайшего генератора почти месяц пути по занятому галантами пространству. Благо, что он автоматический и отправляет в прокол по запросу любой корабль, имеющий определенный код допуска. Но кто знает, не контролируют ли его захватчики? Вроде бы – нас в это не посвящали, но неведь откуда появился слухок – кому-то удалось вырваться с Эрлики, так именуют планету, на которую мы направляемся, и уйти именно через этот генератор прокола. Наверняка майор Линдгрэн владел полной информацией, возможно что-то знал взводный сержант Стоккер, но до нас лишь была доведена задача по проникновению на планету и выяснению причин отсутствия на ней галантов. В любом случае, должен быть предусмотрен способ доставки разведданных, а без прохождения прокола это нереально.

– Подлетное время – двадцать семь минут, – механическим голосом сообщил бортовой коммуникатор, начав отсчет времени после того, как рамы вошли в атмосферу.

Опустив забрало, я привычно ощутил себя стальным гигантом. Пусть не таким огромным, как БПР, ведь по сути трехметровый малый разведчик (МРР – малый разведывательный робот) являлся модификацией тяжелого бронескафандра. Гидравлика и сервоприводы настолько чутко реагировали на любое самое малейшее мое движение, что я поневоле начинал ощущать боевую машину, как собственное тело. Тем более, что обхватившие меня силовые поля, через которые осуществляется сенсорное управление, передают адекватные человеческому восприятию все прикосновения, удары и прочие нагрузки робота, что в свою очередь позволяет не подвергать машину чрезмерным нагрузкам. Например, если во время бега из-за повышенной силы тяжести или какой-либо другой причины механизмы начинали

работать на износ, силовые поля увеличивали нагрузку надвигающееся в них тело оператора, заставляя его снижать темп до приемлемых технических условий. Разумеется, в МРР существовал экстренный режим, предусматривавший отключение всех ограничений, рассчитанный на последний отчаянный рывок, если не остается другого выбора.

На передаваемом забралом виртуальном изображении поверхности планеты замигала красная точка, указывающая место десантирования. Бортовой коммуникатор начал отсчет последних секунд. Вот втянулись в раму захваты. Толчок – и я кувыркаюсь в свободном падении. Расставляю в стороны руки и ноги, чтобы прекратить вращение. Стальное тело робота не дает ощутить бешеного сопротивления воздуха, и если бы не стремительно приближающаяся поверхность, падение могло показаться легким парением.

Осматриваюсь – вокруг так же парят мои товарищи. Бросаю взгляд вниз и замечаю две точки, отделившиеся от раскинувшегося во все стороны зеленого массива. Они явно движутся в нашем направлении.

Первая мысль – мы атакованы выпущенными неизвестным противником ракетами. Однако почему нет никакой реакции бортового компьютера? Неужели он их не замечает? Что за чепуха – как он может их не замечать, если передает изображение мне на забрало? И почему не реагируют товарищи?

Наконец-то догадываюсь приблизить изображение и успокаиваюсь – это всего лишь взлетевшая с верхушек деревьев пара крупных птиц.

На определенном расстоянии до земли автоматически выпускается крыло парашюта, и падение прекращается. Зато теперь ощущается довольно сильный ветер, сносящий нас в сторону от нужного места. Пытаюсь исправить положение ранцевым двигателем, но бесполезно – при таком ветре он не поможет. О чем мне тут же, употребляя крепкие выражения, сообщает капрал Вонг, напомнив, что в подобных случаях инструкция предписывает стремиться не бороться с ветром, а стараться держаться вместе с подразделением. Меня же, благодаря моим неуклюжим потугам, отнесло довольно далеко в сторону, и в обычную оптику я наверняка не смог бы увидеть товарищей в ночном небе Эрлики.

Вновь начинаю корректировать полет наполовину опустошенным ранцевым двигателем. В этот момент перед глазами начинает мигать предупреждение о приближении неких крупных биологических объектов. Одновременно снова вызывает Вонг:

– Новиков, похоже, эти птички заинтересовались тобой. Если будут нападать, стреляй не стеснясь.

Это действительно были те самые птички, которых я заметил при свободном падении. Их размеры впечатляли – метровое тело, вытянутая на длинной шее голова с огромным загнутым крючком клювом, предназначенным рвать жертву. Размах крыльев не менее пяти метров. Когда эти монстры поднялись передо мной, я хотел выпустить несколько касет инертных игл, однако вовремя сообразил, что на линии огня находятся товарищи. Разумеется, с их бронированными телами ничего страшного не произошло бы, но была вероятность того, что иглы порвут пластиковое крыло чьего-нибудь парашюта.

Пока я раздумывал, стоит ли шарахнуть по птицам напалмом, они поднялись выше. Решив, что пернатые летят по своим делам, и наши пути пересеклись случайно, вновь продолжил попытки приблизиться к своему отделению. Топливо в ранце подходило к концу, но мне показалось, что товарищи еще более отделились, и потому было не до экономии.

– Новиков, сверху! – неожиданно заорал Вонг.

Я ничего не успел сообразить, как робота резко бросило в сторону. Подняв взор, увидел чешуйчатые когтистые птичьи лапы впечатляющих размеров, пробившие пластик крыла и запутавшиеся в тонких стропях. На миг передо мной мелькнула голова другого монстра, затем обзор полностью заслонило серое пернатое тело с вытянутыми вперед лапами. После-

довал сильный удар, чуть не перевернувший «разведчика» вниз головой. Вероятно эта тварь так же запуталась в стропах, ибо меня начало бросать из стороны в сторону, при этом обзор по прежнему заслоняло птичье тело.

Я уже не обращал внимания на мелькающие перед глазами тревожно мигающие строчки, да и вряд ли смог бы на них сосредоточиться из-за чудовищной тряски – падающий робот крутило, словно попавшую в водоворот щепку, которую при этом еще и постоянно бьет о камни.

Что-то кричал Вонг, проскакивал голос мастер-сержанта, один раз высказался майор, но так как в их репликах кроме крепких выражений не было никаких дельных советов, то я к ним и не прислушивался. Да и что они могли мне посоветовать? Видеть меня, скорее всего, мог только капрал. А видел он, как я подозреваю, беснующийся в ночном небе ком из запутавшихся в стропах гигантских птиц, вздумавших напасть на отбившегося от стаи непрошенных гостей чужака. Вряд ли такая ситуация предусматривалась инструкцией.

Догадался развернуть изображение на забрале на сто восемьдесят градусов, но увидел только бьющееся крыло, перья на котором топорщились от обвинившего его стропа.

Мелькнула мысль, не включить ли наружный звук, чтобы услышать высказываемое хозяевами местного воздушного пространства негодование, но ее тут же выбило из головы сильнейшим ударом, который не смогли сгладить даже окутывающие мое тело силовые поля. В глазах потемнело, и я на какое-то время потерял сознание. Однако тут же пришел в себя от того, что меня било об оболочку робота, словно зародыш о крепкую скорлупу яйца, которое тряс великан.

Каким бы крепким и надежным не был «малый разведчик», но на падение с невесть какой высоты он не рассчитан, и, судя по крошечной темноте и отсутствующим силовым полям, оно закончилось для него фатально.

Ничего не видя, я мог лишь догадываться, что упал на крутой склон горы и теперь катился вниз, подпрыгивая на камнях и срываясь с уступов. Оставалось только последовать инструкции, предписывающей в подобных случаях принять позу эмбриона, прикрыть голову руками и напрячь все мышцы.

На несколько мгновений удары прекратились, и появилось ощущение свободного падения. Возрастающая перегрузка сжала внутренности. Понимая, что падение обязательно закончится ударом, попытался напрячься еще сильнее.

Последовавший удар вышиб из меня сознание.

Не знаю, сколько времени я находился в небытие, но, в конце концов, все же очнулся от нестабильного покачивания, вызывающего легкую тошноту.

Попытался осмыслить происходящее. Я повис на каком-то уступе, или гигантском дереве, зацепившись стропами? Не похоже. Ощущение такое, будто нахожусь в воде, и меня несет течением. Я упал в реку? Пожалуй этот вариант более вероятен.

Вдруг ноги «разведчика» обо что-то ударились, и корпус резко развернуло. По моим ощущениям скорость течения начала возрастать. Робота все чаще било о какие-то препятствия, вероятно, торчащие из воды камни. Несколько раз «разведчик срывался вниз, крутясь вокруг своей оси, и меня чувствительно било о корпус. Внутренности МРРа хоть и отделаны мягким пластиком, и исключают какие-либо выступающие детали, но много ли радости бойцу на ринге от удара, смягченного боксерской перчаткой?

Очередной полет оказался более продолжительным. Пару раз приложило о камни. Причем, когда ударило второй раз, то послышался подозрительный треск. Вновь чувствительный шлепок о воду – теперь я уже не сомневался, что попал в реку. После головокружительного вращения в водовороте срывающегося сверху потока корпус робота вновь закачался на волнах, влекомый течением в дальнейшую неизвестность.

Боясь расслабиться, я пытался унять тошноту и одновременно привести мысли в порядок. В следующую секунду тошнота вмиг прошла, а комок мыслей еще больше запутался – я ощутил, что внутри «разведчика» начала проникать вода.

Содрав обшивку с люка, начал судорожно откручивать аварийные винты. Пока откручивал, вода все прибывала, и робот из горизонтального положения опустился вниз ногами. После того, как ослабил последний четвертый винт, вода хлынула через щели люка, и я еле успел набрать полную грудь воздуха.

Тело мертвого робота быстро пошло ко дну и снова опрокинулось навзничь. Его еще несколько метров тащило течением, пока на пути не попала какая-то преграда. А я продолжал крутить злополучный последний винт. В легких уже не оставалось кислорода, когда крышка люка отъехала, провернувшись на ослабленном винте. Не в состоянии больше сдерживать дыхания из последних сил рванулся наружу и буквально выпрыгнул из воды, настолько мелко здесь оказалось. С хрипом втянул в себя воздух и тут же вновь погрузился в воду, сбитый сильным течением.

Если река тащила тело трехметрового стального гиганта, то меня она и вовсе поволокла, словно упавший с дерева листок. Я с трудом держался наплаву, безрезультатно пытаюсь разглядеть что-нибудь в ночной мгле и моля удачу, чтобы на моем пути не попало крупных камней, удар о которые я вряд ли переживу при такой силе течения. О возможных подводных хищниках даже не думал.

Казалось, прошло бесконечно много времени, когда течение замедлилось настолько, что я смог позволить себе попытаться плыть в сторону предполагаемого берега, надеясь на то, что он окажется достаточно пологим. Окончательно обессилив, несколько раз хлебнул воды, но, как не задираю голову, одеревеневшие руки отказывались грести, и тело начало неумолимо погружаться в черную мглу неизвестной реки. Сделав последний судорожный вдох, я задержал дыхание, и тут ноги ударились о грунт. Опустив вниз сперва одну, потом другую руку и ощутив под ладонями песчаное дно, встал на четвереньки и некоторое время так и стоял, не веря в спасение.

Немного успокоившись, не поднимаясь на ноги, побрел дальше. Теперь впереди на фоне усыпанного звездами неба явственно чернели прибрежные заросли, перед которыми выделялась более светлая полоса песка.

Рука соскользнула с чего-то скользкого, вырвавшегося из-под нее, и я плюхнулся лицом в воду. С содроганием подумал о неизвестном речном существе и, все же поднявшись на ноги, в несколько быстрых шагов оказался на берегу. Обо что-то запнувшись, растянулся на песке. Не в силах подняться, отполз от воды еще пару метров, и лишь после этого перевернулся на спину и, раскинув руки в стороны, позволил себе расслабиться.

Не было абсолютно никакого желания обдумывать положение, в котором оказался. Хотелось просто лежать вот так, ощущая на лице легкий теплый ветерок и глядя на затейливые узоры звезд над головой.

Глава – 3

Мэтью Ривс

Мэтью Ривс был молодым, подающим большие надежды ученым. По крайней мере, так считали его наставники. Однако, думая, что парень жаждет провести жизнь, корпя в исследовательских лабораториях, они жестоко ошибались. Целью Ривса была... нет, даже не карьера, и даже не богатство, а карьера, как инструмент для создания богатства, которое приведет Мэтью к власти.

Только глупцы думают, будто большие деньги дают какую-то мифическую свободу. Отнюдь. Большие деньги – это, как правило, большие обязательства. А большие обязательства – это, мягко говоря, не свобода. А если говорить прямо, то это самое настоящее рабство. Просто удивительно, почему такой элементарно очевидности не замечает подавляющее большинство людей, стремящихся стать богатыми лишь ради того, чтобы быть богатыми.

Истинную цену капиталов Мэтью рассмотрел еще в студенческие годы, когда, решив взять от жизни максимум возможного, принялся изучать биографии самых богатых людей галактики. В их биографиях он не увидел даже намека на ту свободу, которая рисовалась в его воображении. Наоборот, с ростом состояния росли и ограничивающие личную свободу обязательства перед деловыми партнерами, перед обществом, перед собственным бизнесом... Обязательства, обязательства, обязательства... День расписан по минутам, и даже для сна отведено строго ограниченное время. Ну, и какой смысл в таком богатстве? Да любой работяга на предприятиях толстосумов гораздо свободнее своих нанимателей. Но, вот же замкнутый круг, его свобода ограничена финансово.

Так существует ли путь к настоящей свободе? Существует! Карьера чиновника, иначе, путь к власти. Чиновник, достигший определенного уровня, практически не связан никакими обязательствами. Нет, обязательств у него, естественно, как говорят русские, вагон и маленькая тележка, но все эти обязательства в основной массе условны, ибо бесконтрольны. Здесь главное не прыгать выше головы, угождать тем немногим, кто находится на верхних ступенях и позволять занимать нижние ступени преданным людям, не способным подняться выше того уровня, на котором они находятся. Другими словами, необходимо быть хорошим администратором.

Свободнее крупных чиновников могут быть только князьки с диких сырьевых планет на окраинах галактики, но этот путь не для Мэтью. Слишком часто этих князьков убивают во время постоянных государственных переворотов.

Итак, с чего должен начать карьерный рост студент? Естественно, с отличной учебы!

И вот Мэтью Ривс уже самый молодой руководитель отдела фармацевтических изысканий в Океанологическом НИИ Конфедерации, а его наставники пророчат ему лавровый венок именитого ученого. Он, конечно, станет именитым ученым и наденет лавровый венок, но это будет не вершина его карьеры, а всего лишь ступень к будущей свободе. И потому эту ступень необходимо преодолеть как можно быстрее. А значит он не будет корпеть в лабораториях, провожая безвозвратно уходящие годы. Эту участь Мэтью предоставит своим подчиненным, всячески поощряя изыскания и продвигая их работы в научном мире. То есть возьмет на себя заботы администратора, чем собственно и должен заниматься истинный руководитель. Есть только один маленький нюанс, заключающийся в том, что продвигаться будут труды тех сотрудников, которые смогут оценить по достоинству его заботу. В итоге, вместо того, чтобы корпеть над собственным трудом, он станет соавтором сразу нескольких научных работ, а может, и колоссальных открытий. Десяток подобных соавторств в молодые

годы наверняка предпочтительнее одного авторского открытия, совершенного в престарелом возрасте. А от карьеры ученого и до министерского портфеля недалеко.

Но, пока еще Ривс всего лишь молодой подающий надежды ученый.

Предложение возглавить группу ученых Конфедерации, отправляемую в международный исследовательский центр, расположенный на дне океана на уникальной планете Эрлики, по какому-то недоразумению принадлежащей варварской Российской Империи, заставило Мэтью крепко задуматься. С одной стороны здесь он уже являлся руководителем отдела и имел кое-какие наработки на будущее. С другой стороны, предлагаемая ему новая должность соответствовала должности начальника научной экспедиции, а это приличный шаг по карьерной лестнице. Однако неизвестно, как там все сложится.

И все же Ривс решился и дал согласие. И понял, что сделал правильный выбор. Такая уверенность появилась после встреч с представителем всемогущего Центрального Бюро Внешней Пропаганды. Став тайным резидентом ЦБВП, молодой ученый обеспечил себя гарантированной поддержкой всемогущего бюро в продвижении по карьерной лестнице. Тем более, что ему это практически ничего не стоило. От Мэтью не требовалось вести какие бы то ни было шпионские игры. Нужно было всего лишь отсылать дубликаты отчетов об исследованиях, проводимых на МОНИКе (международном океанологическом научно исследовательском комплексе). Разве что эти отчеты должны быть более полными, чем отсылаемые в свой НИИ, ибо Бюро интересуют любые мелочи, вплоть до штатного расписания, технического оснащения и даже межличностных отношений на МОНИКе. Ну, разместить в отчете сжатый файл со снятой с системы внутреннего и внешнего контроля информацией дело не сложное.

Ривс знал, что Моник – это не просто большая океанская станция, вроде той, на которой находится отдел их НИИ, а целый подводный комплекс, что собственно следовало из самого названия, но все равно то, что он увидел сквозь прозрачные стены лифта, опускающего прибывшую группу на пятидесятиметровую глубину, поразило его грандиозностью масштаба. Кристально чистая вода океана Эрлики почти не задерживает солнечный свет, и пассажирам лифта достаточно хорошо было видно раскинувшиеся на ровном дне плоские похожие на исполинских черепах строения, соединенный друг с другом рукавами галерей по принципу пчелиных сот. Гигантские соты уходят вдаль, скрываемые глубинным полумраком, и кажется, будто нет им конца. Очерченные галереями пятиугольники не пустуют. В некоторых стоит всевозможная робототехника. Другие засажены различными видами океанских водорослей и растений. Отдельные пятиугольники забраны металлической решеткой, за которой мечутся неведомые океанские твари. Над всем этим носятся, плавают и парят стаями и поодиночке различные виды рыб и прочих морских животных самых причудливых форм и окрасок. Вероятно, их количество объясняется тем, что персонал прикармливает океанских обитателей, дабы всегда иметь под рукой образцы для наблюдения и опытов.

Ни один из прибывших ученых не проронил ни слова до тех пор, пока лифт не достиг дна, настолько все оказались впечатлены увиденным. Разумеется, в открытом Космосе полно сооружений не в пример более масштабных. Чего стоят одни только генераторы прокола размером со среднюю планету. Но то Космос, давно изученный человечеством вдоль и поперек. Естественно и в нем есть еще масса загадок, но на каждой не обойденной биологической жизнью планете неизведанного встречается не в пример больше, чем во всех бескрайних просторах холодного Космоса. А уж океаны всегда скрывали в своих глубинах самое большое число загадок, решение которых не поддается человеческому разуму. Говорят, жизнь вышла из Океана. Почему же тогда человечество стремится к звездам, оставляя неизученной собственную колыбель? Но, оставим подобные вопросы философам, и проследуем дальше за группой Мэтью Ривса.

Из лифта перешли в пассажирский аквакар, который повез прибывших через сад ветвистых кораллов. На вопрос одного из ученых: – Почему шахта лифта расположена так далеко от комплекса? – сопровождающий пояснил, что плавучая платформа, с которой спускаются лифтовые шахты, занимает в поперечнике более двух километров и, находясь она непосредственно над комплексом, то заслоняла бы его от солнечного света. В принципе, можно было бы сразу на платформе сесть в скоростной аквакар и за пару минут оказаться в одном из шлюзов комплекса, но администрация МОНИКа решила предоставить прибывшим коллегам возможность как следует рассмотреть место их будущей работы. Заодно сопровождающий пояснил, зачем понадобилась такая большая плавучая платформа. Как оказалось, основное ее предназначение – обязательный комфортный отдых персонала комплекса на свежем воздухе. Здесь были бассейны, спортивные и развлекательные площадки и даже небольшой парк с уютными скамейками в тени натуральных деревьев.

– Не представляла, что МОНИК окажется столь огромным, – озвучила общие мысли Лейла Сопель – имеющая докторскую степень по ихтиологии рыжая неопрятная толстуха, раздражающая Мэтью одним сворим видом. Впрочем, он тоже не вызывал у нее симпатии, ибо Лейла до последнего момента не просто метила на его место, а была уверена, что именно ей поручат возглавить группу, и уж никак не этому сопливному выскочке.

– Это только первое впечатление, – ответил на реплику Лейлы сопровождающий. – на самом деле комплекс не крупнее многих наземных НИИ. Просто на поверхности мы привыкли к высотным зданиям, а здесь достаточно места для того, чтобы каждая лаборатория расположилась непосредственно возле своего полигона, плантации или зверинца. Вот и растянулся комплекс по дну. Но, согласитесь, так гораздо удобнее, чем всякий раз отправляться из расположенной в мегаполисе лаборатории в неведь какую даль, чтобы проверить образцы культур на плантациях или провести испытания на полигоне.

Коротко ознакомившись с административным корпусом, группа проследовала по прозрачной галерее к жилому комплексу. Галерея делилась на пешеходную и транспортную полосы. Примерно на полпути их обогнала вереница гравикаров, груженных оборудованием и личными вещами прибывших.

Под куполом жилого комплекса по окружности в два этажа располагались довольно просторные кубрики. В центре, кроме нескольких бильярдных столов и столов для пинг-понга, находилось еще и кафе для тех, кто предпочитает пункты общественного питания персональным синтезаторам пищи. Кроме того, в кафе можно было отведать натуральной, не синтезированной пищи, что на промышленных планетах и в крупных мегаполисах Конфедерации являлось привилегией лишь весьма состоятельных людей. Скудность выбора способов проведения досуга объяснялась стремлением администрации заставить сотрудников чаще подниматься на поверхность, где на платформе выбор развлечений был предостаточным.

Не успел Мэтью как следует осмотреть свой кубрик, как от дверей раздался мелодичный звонок, а на экране видеофона проявилось лицо худощавой коротко стриженной блондинки с резкими чертами лица.

– Да? – произнес в сторону дверей Ривс, раздумывая, надо ли пригласить неожиданную гостью пройти, или выйти к ней самому?

– Добрый день, – таким же бесцветным, как и ее глаза, голосом ответила блондинка. – Я Маргарет Коул – руководитель британского сектора. Мой кубрик под номером шестьдесят четыре. Заходите, как обустроитесь. Думаю, нам есть что обсудить.

И вот, с того первого дня прошло почти двадцать лет. Полтора года прошли словно в Раю, слегка омраченном осознанием того, что этот рай принадлежит русским варварам, и без того захававшим самый богатый всевозможными ресурсами сектор галактики. И восем-

надцать лет прошло с тех пор, как рухнул привычный мир, вдребезги разбив мечты Мэтью Ривса.

В тот день он потерпел очередное фиаско, пытаясь подкатить к Марии, и чтобы сгладить разочарование, собирался отправиться развлечься на платформу в компании с личной лаборанткой, по совместительству еще и секретарем-делопроизводителем, темнокожей хохотушкой Бонитой. Мария руководила русским сектором фармакологических исследований и являлась ведущим специалистом по фармакологическому и косметологическому производствам, развернутым здесь же на МОНИКе. Мэтью пытался подбить к ней клинья не только для того, чтобы добросовестно исполнять обязанности агента ЦБВП. Молодая женщина ему действительно нравилась. И то, что она, несмотря на свое варварское происхождение, в столь молодые годы занимала высокую должность и даже имела ряд довольно серьезных работ, известных в ученом мире галактики, внушало реальное уважение. Так почему же двум молодым, энергичным и талантливым людям не развлечься в перерывах между работой? А то, что Мария замужем за каким-то там спелеологом, Мэтью нисколько не мешает. Он отнимать ее у мужа не собирается. Ну, да ладно. Он своего добьется. Теперь это для него, можно сказать, дело чести. Ну, пусть не чести, ибо такое понятие, как честь существует лишь для идиотов, а дело личного тщеславия.

Вскрик Бониты отвлек Ривса от мыслей о русской варварке, когда их аквакар только покинул шлюз. В следующее мгновение у него самого отпала челюсть от увиденного впереди. Там, где исполинской медузой плавала на поверхности океана платформа, опускающая ко дну щупальца лифтовых шахт и стабилизирующих якорных тросов, вода бурлила так, словно в нее опустили раскаленную добела сковороду. Бурлящая масса, стреляя кипящими пучками во все стороны, опускалась все ниже. В следующее мгновение внимание Мэтью привлек запузырившийся кабель, ведущий на поверхность к одному из зондов.

– Мой Бог, Это что за срань? – спросила Бонита, испуганно таращась на накрывающий коралловый лес занавес кипящей воды.

– Не знаю, – машинально ответил Ривс, будто соседка обратилась к нему, и, руководимый инстинктом самосохранения, подал кар назад в шлюз. Уже через прозрачную мембрану шлюза они увидели, как кипящая стена достигла дна, и от нее в стороны ринулась сметающая все на своем пути волна из поднятого морского грунта, переломанных кораллов, обломков лифтовых шахт и прочего мусора. Когда ужасающий вал докатился до комплекса и от его удара прогнулась мембрана, Бонита завизжала так пронзительно, что ее боссу пришлось зажать уши ладонями. Возможно, этот крик помог ему пережить ужас момента. К счастью мембрана выдержала напор и вскоре подалась назад, выровнявшись. Однако снаружи продолжал бушевать кошмар. Пусть не было первоначального напора, но вода, превратившаяся в мутную массу, бурлила, закручивалась воронками вихрей, бросала в стены шлюза какие-то обломки.

Бонита снова завизжала, тыча рукой в сторону мембраны, и Мэтью увидел, как вместе с массой донного грунта и всевозможного мусора сильное течение тащит по прозрачной стенке человеческий скелет, на костях которого еще цеплялись остатки плоти.

В тот же день МОНИК покинул весь российский персонал. На сутки задержались несколько техников, не имеющих родственников на планете. Но и они отправились помогать соотечественникам после того, как спешно восстановили внешнее оборудование комплекса, изломанное чудовищной волной, возникшей от мгновенно вскипятившей воду опустившейся на дно многотонной расплавленной металлической массы, в которую превратилась плавучая платформа.

Из русских в комплексе остался лишь дайвер Вадим Маракевич. Его, казалось, не тронуло горе соотечественников, почти все из которых потеряли своих родных и друзей. Он и

прежде больше времени проводил в общении с иностранными коллегами, коим признавался в разговорах, что прилетел на Эрлику для того, чтобы заработать на переезд в один из миров Звездной Конфедерации.

Зато среди конфедератов и даже среди британцев нашлись такие, которые сразу отправились на берег вместе с аборигенами, имея искреннее намерение помочь русским в беде.

Мэтью почти все время проводил в совещаниях с британкой Маргарет. Надо сказать, оба руководителя поначалу были растеряны и не знали, что предпринять. Именно потому и искали поддержку друг в друге. Очень сильно напрягало отсутствие какой бы то ни было информации. Связь с внешним миром не появилась даже после того, как техники восставили внешние антенны. После полученных сведений о катастрофе, постигшей расположенный на берегу Океаноград, И Мэтью, и Маргарет решительно отказались покидать подводный комплекс. Однако не запрещали это делать своим сотрудникам – должен же кто-то поставлять информацию.

Постепенно из кусочков сведений складывалась общая картина. Вернее, пока только версия произошедшего. В последнее время в новостях проскакивали сведения о якобы рое неопознанных объектов, приближающемся со стороны галактики Галанта к границам Российской Империи. Мало кто обращал внимание на подобные сведения. Ну, летит себе какой-то рой и пусть летит. Ну и что, что астрономы что-то там пророчат? Они ради привлечения финансовых вливаний ежегодно пугают разными метеоритными роями, обязательно должны пронзить Млечный Путь стремительной иглой, круша планеты и взрывая звезды. На этих вестников апокалипсиса давно никто не обращает внимание. Вот и на этот раз никто не отнесся всерьез к сообщениям о рое так называемых галантов. Как оказалось зря. Последние сообщения уже заставляли обращать на себя внимание, ибо почти кричали о том, что галанты начали поглощать миры Российской Империи.

И Мэтью, и Маргарет оставалось лишь сетовать на собственное игнорирование новостных лент, когда они просматривали их записи. А складывая информацию, полученную с поверхности Эрлики, ученые комплекса поняли, в чем заключается чудовищная суть оружия галантов, и почему с оккупированными ими мирами мгновенно прекращается любая связь. Так же они поняли, что остались живы только благодаря накрывающей МОНИК толще океанской воды, защитившей комплекс от излучения, заставляющего любые металлы мгновенно превращаться в жидкую огнедышащую лаву. При этом, как показали дальнейшие исследования, на руды излучение не действовало. Предназначение у такого оружия могло быть только одно – тотальное уничтожение цивилизации. И противопоставить ему, как понимали ученые, человечество ничего не могло. А значит, они могли остаться последним островком человеческой цивилизации.

Осознав масштабы катастрофы, Ривс понял, что вместе с цивилизацией рухнули все его мечты, и от этого осознания впал в протрацию. Несколько часов к ряду молодой научный руководитель сидел неподвижно, вперив взор в огромное окно-иллюминатор, за которым мирно плавали равнодушные к его проблемам обитатели океана. Вот обзор заслонил взволнованный микробиолог Брюно Мартин и начал что-то торопливо говорить. Его оттеснила заплаканная Бонита. Они явно что-то хотели от своего шефа. Мэтью не осознавая собственных действий встал и пошел за ними. У распахнутых дверей кубрика Лейлы Сопель почему-то собралась толпа, которая расступилась при его приближении. Первое, что он увидел, войдя в кубрик, это толстые ноги Лейлы, всего несколько дюймов не достающие до стеклянной поверхности журнального столика.

Сопель повесилась, не оставив предсмертной записки. Впрочем, объяснения и не были нужны. Многие в те дни находились на грани суицида. Возможно, и Мэтью пришел бы к такому логическому завершению своей хоть и весьма стремительной, но не долгой карьеры, если бы не Маргарет Коул, навестившая его тем вечером. Рука у жилистой британки ока-

залась довольно тяжелой, и от пощечины, которую та вlepила, устав пытаться что-то втолковать отрешившемуся от реальности коллеге, Ривс улетел в противоположный угол кубрика, вреzавшись в персональный синтезатор пищи. Аппарат загудел и выплюнул на пол порцию яичницы с беконом, на которой Мэтью поскользнулся, поднимаясь, на этот раз упав на колени перед Маргарет.

– Слизняк! – презрительно бросила британка и, резко развернувшись на каблуке, покинула его кубрик.

– Пошла вон! – после полуминутной паузы заорал на присутствующую при его позоре Бониту, после чего вреzал кулаком по синтезатору, сильно отбив кисть и получив на пол еще одну порцию яичницы с беконом.

– Дерьмо, – дую на отбитый кулак, оценил плюхнувшееся под ноги блюдо Мэтью и, повернувшись к открытой двери, следующую фразу адресовал ушедшей в неизвестном направлении Маргарет: – С-сука белобрысая!

Мэтью очнулся. Мэтью вернулся. Мэтью стал прежним.

Он жаждал власти? Так вот же она, данная ему самим провидением. Ему дана такая власть, о которой он не мог даже мечтать. Кем Ривс является на данный момент? Если не принимать во внимание эту напыщенную дуру Коул, то он является главой МОНИК – возможно последним островком человеческой цивилизации во Вселенной. Бывшее руководство комплекса погибло на берегу, ведущий специалист занимается спасением соотечественников. МОНИК во власти Ривса. Да! Он не руководитель, не глава, он властелин! Ему дано возродить... Нет, не возродить. Породить новую цивилизацию!

Разумеется, для окружающих его идиотов Мэтью пока останется научным руководителем. Даже самых верных его подчиненных не стоит сразу посвящать в посетившее их шефа озарение. Пусть дойдут до этого сами. Однако действовать надо начинать незамедлительно. И Ривс вызвал по коммуникатору здоровяка Сезаро Веласкеса, затем набрал код Брюно Мартина.

Глава -4

Берег неведомой реки

Лучи поднявшегося над деревьями светила чувствительно припекли незащищенную кожу лица. Не проснувшись окончательно, я перевернулся на другой бок и накрыл рукой голову.

Громкий шлепок о воду заставил меня подскочить и окинуть окрестности сонным взглядом. Постепенно пришло понимание ситуации, подкрепленное ноющими мышцами и саднящими ушибами и ссадинами.

Я сидел на песке у излучины широкой реки, до противоположного берега которой было не менее пары сотни метров. Вдоль обоих берегов тянулся бесконечный густой лес. Пейзаж напомнил то место, где я когда-то в составе учебной роты форсировал на БПРе такую же реку. Вот только погодка здесь стояла не в пример жарче. Учитывая то, что сейчас только раннее утро, – хотя, судя по поднявшемуся над деревьями местному светилу, не такое уж и раннее – что же будет днем? Система поддержки внутреннего температурного режима в моем легком комбинезоне рассчитана в среднем на неделю, а вот голову следует чем-то прикрыть...

Новый всплеск, поднявший целый фонтан брызг недалеко от берега, привлек мое внимание. Немаленькие твари водятся в этой речке! Как они не слопали меня ночью? Или они ночью спят? А может, это какие-нибудь безобидные травоядные речные гиганты, которых запросто можно потрепать за хвост?

О чем я думаю? В первую очередь надо решить, что предпринять, чтобы выбраться... А куда выбраться? Далеко ли меня унесла река?

По идее, в «разведчике» должен был активироваться аварийный маяк. Но будут ли меня искать? Вряд ли взводный отсрочит выполнение задания ради поисков одного пропавшего бойца. А даже если и будут искать, то обнаружат лишь пустую машину на дне реки, и, скорее всего, решат, что меня сожрали какие-нибудь хищные твари.

Так, чего это я сам на себя тоску нагоняю? Зря что ли выжил после падения с невесты какой высоты и не был сожран представителями местной фауны?

Резко вскочив на ноги, охнул от боли во всем избитом теле и еще раз осмотрелся.

– Слизь крысомаки! – непроизвольно воскликнул я, увидев огромные трехпалые следы прямо рядом с собой. Судя по всему, оставивший их гигант пришел из леса, и некоторое время топтался вокруг спящего меня. А вот совсем рядом с вмятиной, оставшейся на песке от моего тела, отпечатались следы тоже трехпалые, но гораздо меньшие – немногим больше человеческой ладони. Это либо детеныш, которого до сих пор нес родитель, либо зверь наклонился, опершись на передние, более мелкие лапы. Что-то мне это напоминает... Такое ощущение, что подобные следы мне уже однажды встречались...

Изрядно истоптанный песок говорил о том, что зверь топтался вокруг меня довольно долго. Потом цепочка следов потянулась вдоль берега вверх по течению и метров через полсотни свернула обратно в лес.

М-да... Не знаю, почему этот монстр меня не тронул – возможно решил подождать, пока я малость подвялюсь на солнышке – но соваться в манящую прохладную тень леса мне расхотелось. И вообще следует поскорее отсюда убратся, пока это чудище не вернулось. Возможно оно такое же безобидное, как отказавшиеся меня сожрать травоядные речные гиганты, но проверять почему-то нет никакого желания.

Решив, что на ходу размышлять ничуть не хуже, я зашагал вдоль кромки воды вверх по течению. Где-то там лежал на дне мой МРР с работающим аварийным маяком. А значит только там были шансы на спасение.

Пройдя пару километров, вышел к небольшой заводи, где на спокойной водной глади плавали огромные – почти метрового диаметра – чаши листьев неизвестного подводного растения. К этому времени солнце пекло уже действительно нещадно, и я подумал, что из такого листа можно свернуть вполне приемлемый колпак, а то и просто так прикрыть им голову от нещадных лучей.

Попытался достать ближайший лист, но не дотянулся. Заходить в воду не хотелось – какая-то слизистая гадость шевелилась в прибрежном иле, отбивая желание в него соваться. Поискав взглядом, увидел невдалеке сухую ветку, выброшенную на берег рекой. Подбрав, ткнул ею в лист, чтобы подвинуть его ближе к берегу. В следующее мгновение зеленый диск с противным чавканьем обхватил протянутую к нему ветку и, с силой выдернув ее из моей руки, скрылся под водой. Вместе с ним ушли на глубину еще два находящихся рядом листа.

Не меньше минуты я ошарашенно смотрел на воду, и лишь когда на поверхность всплыла непонравившаяся зеленому хищнику палка, непроизвольно передернул плечами, представив, что было бы, если бы я дотянулся до кажущегося безобидным листика рукой...

Никогда еще я не чувствовал себя таким незащищенным. Даже на той злополучной планете, где погиб почти весь наш взвод, у меня в руках было оружие, а рядом до конца оставались верные товарищи. А сейчас у меня нет даже простого ножа.

С ненавистью взглянув на вновь всплывшие и застывшие в ожидании жертвы хищные листья, я озадачился поиском хоть какого-нибудь подобия оружия.

Обойдя заводь и пройдя еще немного вдоль берега реки, подобрал два увесистых булыжника. А еще через несколько шагов вытащил из воды крепкую сухую палку, на толстом конце которой торчал крючком обломок ветки. Покрутив в руках своеобразный багор, и злорадно усмехнувшись, я решительно направился обратно к заводи.

Отобравший мою предыдущую палку листок мирно покоился на воде. По нему ползало крупное крылатое насекомое, не вызывая у хищника никакой реакции. Видимо, монстр насекомыми не питался, предпочитая каких-нибудь мелких животных или птиц. Хотя, судя по той силе, с которой это существо выдернуло из моих рук палку, оно могло не гнушаться и крупной дичью. Кто знает, каких размеров тело скрывается под водой.

Опустив багор в воду, я резко подвел его под лист, подцепив, как и предполагал, тонкий стебель. Лист тут же обхватил мое орудие и рывком потянул в глубину. Однако на этот раз я крепко держал палку. Несколько секунд я просто сопротивлялся усилиям хищника, потом начал медленно пятиться.

То ли это действительно было крепко укоренившееся растение, то ли туша зверя была чрезвычайно массивной, но с места подводное нечто не сдвинулось. Лишь соседние два листа вновь свернулись и ушли ко дну. И вот, вероятно решив, что жертва ему не по зубам, лист отпустил палку и развернулся, пытаясь ускользнуть. Однако я вовремя ухитрился прокрутить свое орудие, оборачивая стебель вокруг, и, на мгновение дав слабину, тут же изо всех сил дернул его на себя, продолжая пятиться. Послышался хлопок, и не выдержавший напряжения лист оторвался. А может, неведомый монстр отбросил его, как ящерица отбрасывает попавший в зубы к хищнику хвост. От неожиданности я свалился на спину, но тут же подскочил и принялся разглядывать трофей. Вблизи отчетливо виделась, если так можно выразиться, нерастительная кожистость поверхности замаскированной под лист хватательной конечности. Будучи оторванной, она продолжала дергаться, то напрягаясь и распрямляясь зеленым диском, то опадая безвольной тряпкой.

Подождав, пока трофей затихнет, я осторожно потрогал его пальцем, ощутив прохладную гладкую поверхность. Захотелось немедленно прикрыть им голову от палящих лучей.

Но при падении, я уронил его на землю, отчего на мокрую кожу налипло много всякого мусора. Ополаскивать лист во взбаламученной заводи не захотел, потому направился к реке. За счет обрывка стебля трофеей все еще держался на конце палки, и я так и сунул его в проточную воду. Из глубины метнулась неясная тень, на миг мелькнула полная острых зубов пасть, и вырванная из моих рук палка скрылась под водой...

– Слизь крысомаки! – в отчаянии закричал я, чуть было не бросившись вслед за скрывшимся в глубине грабителем.

Было обидно до слез. Второй раз за несколько минут меня оставляют в дураках представители местной фауны. Эх, где мой старый добрый БПР с полным вооружением...

Я тоскливо посмотрел на прибрежные заросли, из которых раздавалось стрекотание, посвистывание, шипение и прочие голоса скрывающейся там живности. Возможно каждая, населяющая леса Эрлики, зверюшка смертельно опасна для человека. Но и оставаться под все нестерпимей и нестерпимей палящими лучами больше нельзя.

А между тем, вдобавок ко всему, меня начинала мучить жажда. Машинально хлопнув по нагрудному карману, убедился, что оба пенала – с дезинфицирующими воду таблетками, и с капсулами супер энергетика – на месте. Вот только где взять посуду, в которую можно набрать речную воду. Не проводить же дезинфекцию в ладонях? Ладно, когда станет невмogu, попью и так. Во время ночного плавания не раз пришлось хлебнуть местной водицы – и пока ничего.

Направляясь к прибрежным зарослям, раздумывал, почему те, кто позаботился снабдить легкие комбинезоны дезинфицирующими таблетками, а значит предполагавшие ситуацию подобную той, в которой оказался я, не предусмотрели кармашек для какого-нибудь оружия, пусть даже самого маленького ножика? Нет, я конечно знал и понимал, что сенсорный комбинезон для рамы управления малым разведывательным роботом не должен иметь ничего лишнего. Но все же. По этой же причине и личный армейский коммуникатор остался лежать в бардачке робота. Впрочем, от комм-то сейчас толку никакого. Вряд ли товарищи находятся на столь близком расстоянии, чтобы я смог с ними связаться.

Что-то зашуршало в сухой траве, выскочив буквально из-под моих ног и метнувшись прочь, в сторону густого куста с мелкими листьями, через которые торчали внушительные шипы.

При моем приближении шум в ближайших зарослях смолк. Понадеявшись, что притихшая живность разбежалась или попряталась, а не затаилась, чтобы напасть на меня, я зашел в тень большого раскидистого дерева и принялся всматриваться в заросли. Судя по тому, что подлесок рос плотной стеной, и поблизости не было видно ведущих через него тропинок, крупные звери здесь не бродили. Вероятно, причиной тому служил шипастый кустарник. Однако там, где нет крупного зверя, в изобилии могут водиться мелкие твари, от укуса которых наступает не менее скоротечный конец, чем от клыков хищника. А значит, в первую очередь мне следовало озаботиться приобретением хоть какого-нибудь оружия.

Подобранные ранее булыжники остались у заводи, но лучше раздобыть крепкую палку, чем надеяться на одноразовые снаряды. Вот только ничего подходящего вокруг не было видно. Под ногами валялись только мелкие сухие ветки, а весь подлесок состоял из шипастых кустов. Свободно подойти можно было только к дереву, в тени которого я находился. Но до его веток не добраться, а ствол был слишком широк, чтобы я смог залезть по нему наверх. К тому же, снизу было видно, что, несмотря на толстый ствол, ветки у этого дерева слишком тонкие и корявые.

Мне ничего не оставалось, как направиться вдоль опушки, предварительно вернувшись к заводи и прихватив булыжники.

Выше по течению берег становился все более крутым, и заросли подступали ближе и ближе к реке. В конце концов, я остановился перед подступающим вплотную к крутому

обрыву колючим кустарником. Острые, величиной с палец шипы не вызвали ни малейшего желания продираться сквозь эту преграду. Обессиленно сев на край обрыва, я некоторое время смотрел на воду, стараясь ни о чем не думать. Однако лучи приближающегося к зениту светила, отогнав тень, вновь принялись припекать мою голову. С трудом поборов желание прыгнуть в прохладную воду, я поднялся и побрел в обратном направлении. А что еще оставалось делать?

Я оказался заперт между непролазными колючими зарослями и широкой рекой. И единственный открытый мне путь вел вниз по течению, прочь от той стороны, где была вероятность встречи с товарищами.

И все-таки, надо взять себя в руки и прекратить раскисать! Я жив-здоров, и это главное! И надо приложить все усилия, чтобы и впредь оставаться в таком состоянии. А для этого необходимо позаботиться о пропитании и средствах защиты от вероятных агрессивных животных. Начать следует со второго.

И словно на заказ, как только берег понизился до пологого, я увидел приставшее к нему вырванное с корнями довольно крупное дерево. Вероятно, оно сорвалось в реку с подмытого водой склона. Бросившись к нему, попытался вытащить дальше на берег. Усилия не увенчались успехом, но дерево и так плотно село на мель и уплывать не собиралось. Тогда я принялся выбирать ветку, которая могла послужить оружием. Выбрав, попытался отломать. Не тут-то было. Ветка хоть с трудом, но сгибалась практически в кольцо, однако ломаться не собиралась. Попробовал другие – результат тот же.

Взмокнув от усилий, я присел и, внимательно вглядываясь в воду, обмыл лицо и намочил волосы. Прямо у берега заметил нечто зеленоватое, торчащее под водой из песка. Помня ужасные челюсти, которые утром вырвали мой трофей, отломил от дерева тонкую веточку и осторожно подцепил ей найденный предмет. Это оказалась половинка раковины, некогда принадлежавшая двустворчатому моллюску, или подобного ему местному животному.

Раковина была достаточно удобной, чтобы набрать воды и продезинфицировать половинкой таблетки. Вдоволь я не напился, но сильной жажды теперь не испытывал. А таблетки следовало экономить, ибо неизвестно, что ждет впереди.

Еще раз осмотрев раковину, с сожалением отметил, что края слишком тупые, чтобы пытаться резать ими дерево. Отколол край камнем – получилось немного острее, так, что легко прорезало сырую кору, но скользкую твердую древесину не удалось даже поцарапать. Зато удалось отделить от ствола большой кусок коры и водрузить его на голову – хоть и весьма неудобная, но надежная защита от солнца.

Однако как же отломать палку?

Неожиданно с середины ствола донесся тихий писк, и в дупле, на которое я прежде не обратил внимания, зашевелился серый комок. Непроизвольно схватив булыжник, занес руку для броска, но решил не спешить, а сперва разглядеть существо – уж больно жалобно оно пищало.

Из дупла вышел маленький пушистый зверек. Именно вышел на двух коротких цепких ножках, снабженных острыми коготками. Верхние покрытые серым пухом конечности напоминали неоперившиеся крылышки желторотого птенца. Круглую головку, размерами всего в два раза меньше пухлого тельца, венчали так же несоразмерно большие круглые уши. Крупные, по-детски наивные глаза смотрели на меня с какой-то непонятной укоризной, будто обвиняя в чем-то.

– Ты кто? – спросил я, опуская руку с булыжником.

Зверек в ответ пару раз пискнул, прошествовал к толстой ветке, торчащей почти параллельно земле, и пошел по ней словно муха вниз головой, продолжая смотреть на меня немигающим взглядом.

– Ты съедобный? – сам не знаю зачем, задал я очередной вопрос.

Малыш остановился и замер, продолжая оставаться вниз головой.

– Я пошутил, – моя попытка оправдаться не вызвала никакой реакции.

Поиграв с пушистиком в гляделки, я возобновил попытки отломать подходящую ветку. На этот раз, нагнув ее, принялся с силой бить под основание булыжником. Дерево затряслось, и зверек, недовольно пропищав, быстро перебрался обратно на ствол. Наконец-то ветка переломилась, но мне пришлось еще долго провозиться, перепиливая раковины размочаленные волокна и обламывая все лишнее. Наконец в моих руках оказался увесистый и почти идеально ровный двухметровый шест. Мысль – попытаться расколоть раковину так, чтобы получилось острие, которое можно приладить на конец шеста – посчитал несостоятельной, ибо примотать наконечник все равно нечем, а раковина еще пригодится для дезинфекции речной воды.

Покрутив палку и изобразив несколько ударов по воображаемому противнику, я остался вполне довольным проделанной работой.

– Теперь можно и в путь, – я подмигнул зверьку, который продолжал все также неотрывно гипнотизировать меня. – Счастливо оставаться, смешное дитя дикой природы.

Не успел пройти пары десятков шагов, как сзади раздался пронзительный писк, с явно слышными нотками паники. Оглянувшись, увидел, что пушистик слез с дерева и со всех коротеньких ножек спешил за мной, смешно буксуя в песке. Его верхние конечности были расставлены в стороны, а под ними оказались тонкие кожистые перепонки. Будь они хотя бы раз в десять больше, их можно было принять за крылья. Но для чего нужны такие несомерно маленькие крылышки, мне было невдомек.

Пока я разглядывал зверька, он наконец-то достиг меня, что-то обиженно пропищал и, ловко цепляясь когтистыми ножками – не называть же задними лапками конечности прямоходящего двуногого существа – взбежал по уткнутому в песок шесту, прошествовал по руке и замер на плече, предварительно что-то обиженно пискнув мне в ухо.

– Офигеть! – проговорил я, косясь на оседлавшего меня наглого найденыша. – Я ведь даже не знаю, чем тебя кормить.

Зверек пошевелил ушами – назвать ушками эти непропорционально большие круглые локаторы, парусной площадью превышающие его подобие крыльев, язык не поворачивается – переступил с ноги на ногу и снова замер, уставившись куда-то вдаль.

– Эй, – я слегка тряхнул плечом, – как тебя называть-то?

– Пик, – недовольно пискнул пушистик, взмахнув крылышками и переступив ближе к шее.

– Пик? А я Олег, – я продолжил путь, рассказывая молчаливому слушателю о своих злоключениях на его родной планете.

Общение с Пиком помогло развеять начавшую овладевать мной беспросветную тоскливую безнадегу, но не мешало сосредоточиться на насущных проблемах. Кроме поиска пути вверх по течению, мне необходимо было позаботиться о пропитании. Я конечно смогу протянуть на энергетических таблетках не менее недели, но если все это время мой организм не будет получать реальной пищи, то для его восстановления понадобится провести не менее суток в регенераторе, который я вряд ли найду в местных зарослях.

Вот что сбивало меня с мысли, так это необходимость постоянно держать над головой кусок коры. Рука затекала, а кисть ощутимо пекло лучами и, несмотря на то, что я периодически менял руку, кожа на пальцах и наружной стороне ладони уже покраснела. Никаких гибких веток или достаточно длинной и прочной травы, из которых можно было связать что-нибудь вроде ремешка для импровизированной шляпы, мне не попадалось. Вспомнилась «учебка», где каждый курсант обязан был иметь с собой моток крепких ниток. И почему подобное не практикуется в нашем подразделении? Впрочем, порвать особо прочный мате-

риал легкого комбинезона оператора МРР в обычных условиях, позволяющих сохранить жизнеспособность самому оператору, практически невозможно.

Так я вновь вернулся к заводи, продолжая держаться у стены зарослей, несмотря на то, что тень давно уже скрылась в них. Хищные листья, как и прежде, покоились на водной глади, ничуть не боясь нестерпимого полуденного зноя. Более того, их поверхность оставалась влажной. Охотиться на них мне теперь не было нужды. Я поскреб палкой по дну возле берега, надеясь подцепить пучок каких-нибудь достаточно крепких водорослей, но лишь взбаламутил воду поднятым илом.

Вдруг с одного из листьев взлетела большая ярко-оранжевая муха и, низко жужжа, устремилась ко мне. Не успела она приземлиться на груди, как от моего правого уха молнией метнулось нечто длинное и тонкое, и, обхватив насекомое, вдернуло его в, оказавшийся неожиданно большим, рот Пика. Его челюсти активно задвигались, послышался хруст перемалываемой мухи. Проглотив добычу, зверек довольно буркнул и снова затих, притворившись пушистой статуэткой.

– Так вот ты какой, загадочный представитель местных пушистиков, – я удивленно скопился на зверька.

Тот пропустил мою реплику мимо больших ушей, оставаясь неподвижным.

Увидев еще одну муху, я согнал ее шестом, еле успев отдернуть его от попытавшегося атаковать хищного листа. Однако муха ко мне не полетела, а, недовольно жужжа, принялась кружить у кромки воды. Пришлось сбить ее своей деревянной шляпой, которая, изрядно подсохнув на солнце, переломилась пополам от резкого взмаха. Решив начать сожалеть о содеянном позже, поднял муху за крыло и поднес к Пику. Тот вмиг выдернул ее цепким язычком и умял, восприняв как должное и даже ни разу благодарно не пискнув.

Укоризненно хмыкнув, я наклонился, чтобы поднять остатки своей шляпы.

– Эй, парень, ты не из владимирцев? – раздалось за моей спиной, и я не сразу сообразил, что вопрос прозвучал на русском языке.

Глава – 5

МОНИК. Маргарет Коул

– Слизняк! – презрительно бросила Маргарет и, зло вздернув подбородок, покинула кубрик Ривса.

Как же разочаровал ее этот сосунок, оказавшийся обычным тепличным овощем, способным существовать только в идеальных условиях! А ведь казался прирожденным руководителем, легко решающим любые проблемы. Помнится, в первые полгода совместной работы Маргарет даже пожалела о своем зрелом возрасте. Будь она лет на двадцать моложе, можно было бы закрутить интрижку с преуспевающим юношей из Конфедерации. Ее супруг лорд Коул не сегодня-завтра отправится к праотцам. Старый хрыч и так уже зажился – коптит белый свет тринадцатый десяток. И кто знает, дождется ли он возвращения с Эрлики своей юной сорокалетней женушки? По крайней мере, она не собирается покидать исследовательский комплекс, пока не закончится пятилетний контракт. М-да, юная-то она юная, но юная для своего лорда. А вот Мэтью она старше более, чем на десять лет. Разница конечно далеко не критическая, но этот засранец за все время не сказал ей ни единого комплимента! Относится к Маргарет просто как к коллеге и не более. А сам наверняка охаживает черномазую Бониту. Да и что взять с этих дикарей конфедератов? Они ни чем не лучше русских.

Кстати, о русских. Маргарет не раз обращала внимание, с каким вожделием Ривс смотрит на заведующую фармацевтическим сектором МОНИКа Вересову Марию. Та еще большая выскочка, чем сопляк Мэтью. Ей нет и тридцати, а ее имя уже известно в научном мире.

Вызвав своего заместителя, занимающего должность завлаба, Кеннета Хаббарда, Коул отдала несколько распоряжений связанных с дисциплинарным режимом и, наказав не беспокоить ее до утра без крайней необходимости, разделась, пристально осмотрела в зеркале свою подтянутую, умеренно мускулистую фигуру. Удовлетворенно кивнув отражению, Маргарет шагнула в кабину ионного душа.

Хаббард разбудил ее чуть свет и огорошил сообщением, что ночью Мэтью Ривс развил какую-то непонятную деятельность, а на восемь часов утра объявил общее собрание.

Попытка связаться с Ривсом не удалась. На вызов ответила черномазая секретарша и подчеркнуто деловым тоном заявила, что у шефа срочное совещание, и освободится он только к восьми утра, после чего сразу сделает важное заявление на общем собрании персонала комплекса.

Махнув рукой на причуды конфедерата, Коул спокойно позавтракала и снова вызвала Хаббарда. Необходимо было осуществить задуманное дело, ради которого она вчера пришла к Мэтью, на которого, как оказалось, лучше не надеяться.

По галактическим правилам любой значимый международный объект снабжался средствами экстренного оповещения каждого государства, группа граждан которого участвует в проекте. В частности МОНИК имел две аварийные автоматические информационные капсулы, которые в случае катастрофы должны были самостоятельно отправиться одна в Британскую Империю, другая в Звездную Конфедерацию. При необходимости капсулы можно было запустить вручную, что и собиралась сделать Маргарет. Вчера она хотела посоветоваться с Ривсом, какую капсулу отправить, а какую оставить в резерве. Понятно, что у главы британской группы доступ был только к одной капсуле. Именно ее сейчас собиралась запустить Маргарет, отправив всю имеющуюся на сегодняшний день информацию. Пусть не известно, существует ли еще Британская Империя, но если она уничтожена галантами,

то все равно нет смысла держать в ангаре капсулу, запрограммированную на полет к Британским созвездиям.

Через вынесенные на поверхность океана мониторы Коул и Хаббард наблюдали, как поднялась из воды и ушла ввысь гравиплатформа, несущая на себе автоматический челнок с капсулой. Еле заметная при дневном свете вспышка оповестила о запуске двигателей челнока, и вскоре гравиплатформа вернулась уже порожней.

Когда возвращались из ангара, обратили внимание на то, что и без того последнее время не страдавший многолюдием комплекс и вовсе словно вымер.

– Вероятно, все в жилом комплексе на объявленном Ривсом собрании, – предположил Кеннет.

При упоминании о Ривсе, Коул поморщилась. Однако ее помощник оказался прав. Под куполом жилого комплекса собрался весь имеющийся в наличии персонал МОНИКа. На площадке для любителей караоке стоял Ривс и, активно жестикулируя, произносил пламенную речь. Система объемного звучания доносила его слова до каждого слушателя, при этом, не увеличивая громкость, а, казалось бы, даже приглушая ее, что в свою очередь позволяло внимать без напряжения, будто бы даже расслабляясь и получая некое удовольствие.

Если вначале Маргарет слушала коллегу с раздражением, то постепенно прониклась его речью и даже простила ему вчерашнее проявление слабости. Кто знает, может, то была не слабость, а некий кризисный порог преодоления нового уровня самосознания. Ведь вот он перед ней – прирожденный лидер, способный повести за собой.

Если вкратце, то супер убедительная речь Мэтью Ривса сводилась к тому, что нашествие галантов для человечества является такой же очищающей от скверны божьей карой, какой некогда явился всемирный потоп. И надо ли пояснять и так очевидную аналогию МОНИКа с Ноевым ковчегом? А вернее будет сказать, даже не МОНИКа, а всей Эрлики. Ведь не зря на эту планету свозились всевозможные представители флоры и фауны со всей Галактики. И не зря ныне в комплексе остались лучшие представители двух самых прогрессивных держав, способные возродить... Нет, не возродить, а породить новую непорочную цивилизацию. А русские? Ну, так не зря же волна нашествия в первую очередь потопила созвездия именно этих варваров? Разумеется, в новом мире найдется место и для русских. Еще древние земные мыслители-философы заявляли, что в идеальном обществе каждый человек должен быть свободным и иметь не менее трех рабов. Цивилизация рухнула, и человеческий мир вновь обратился к древним канонам. На МОНИК пока еще достаточный ресурс автоматики и робототехники, но пройдет не сколько десятков лет, может быть сотня, пусть даже две, и все блага былой цивилизации, не имея промышленной базы, закончатся. К тому времени необходимо будет указать оставшимся на поверхности русским определенное им место и вырастить из последующих их поколений послушных слуг. Ведь именно для этого им сохранена жизнь наряду с остальными представителями животного мира, присутствующего в лесах и водах уникальной планеты.

Многие обитатели комплекса в связи с крушением привычного мироустройства потеряли всякий интерес к собственной работе, ибо не видели в ней смысла. Если некому оценить результат, то все ведущие к нему усилия бессмысленны. Именно в этой безысходности ученым виделась причина самоубийства ранее всегда энергичной и неунывающей Лейлы Сопель. И как знать, возможно, они готовились решить собственные душевные проблемы таким же способом.

Но вот появился человек, подаривший новый смысл существования. Он призвал трудиться не во благо канувших в небытие империй, а ради создания нового мира. Он одарил собравшихся вокруг него людей венцами творцов. А разве не в этом смысл жизни любого ученого?

И у людей засветились лица блаженными улыбками, засияли глаза жадной созидания. Их ждали кабинеты и лаборатории, и финал затянувшейся речи Мэтью Ривса коллеги слушали уже без должного внимания. Он вернул их к жизни, чего же еще? Их ждет любимая работа, озаренная светом новых идей, а подробности предлагаемого мироустройства уже мало волнуют. Их можно обсудить и на досуге, буде такой представится.

Сообщив, что для пресечения возвращения на МОНИК русских, посланные им люди вернули все плавсредства в ангары комплекса, за исключением амфибий, находящихся где-то в глубине континента, Ривс завершил речь. Персоналу было предложено вернуться к прежней работе, куда план новых целей не скорректирован. Желаящие, могли задать вопросы.

Вопреки ожиданию Маргарет, желающих почти не оказалось. Похоже, большая часть группы конфедератов уже была в курсе планов Мэтью. А имеющие вопросы британцы предпочли задать их своему руководителю. Коул пообещала, что все прояснит к концу дня, и сотрудники разошлись.

Далее последовала долгая и обстоятельная беседа с Мэтью. Несмотря на то, что его левая щека все еще была красной и слегка опухшей после оплеухи, отвешенной Маргарет, Ривс о вчерашнем инциденте не вспомнил и общался вполне доброжелательно. Для начала коллега подтвердил уверенность Коул в том, что он не тронулся умом и не превратился в одержимого фанатика, а вся его речь исключительно театральна. Идея использовать для внушения барную караоке-систему не нова – он использовал этот прием еще в студенческие годы для убеждения сокурсников. Вот и сегодня Ривс правильно увидел то, в чем нуждаются сотрудники МОНИК, и дал им это, попутно определив себя на роль лидера.

Маргарет не была против лидерства молодого коллеги. Наоборот, была рада тому, что есть на кого переложить основной груз ответственности. Если вопреки неутешительным прогнозам окажется, что внешний мир выстоял перед агрессией галантов, и звездные империи людей уцелели, всегда можно прикинуться слабой женщиной и свалить всю вину за пиратский захват комплекса на выскочку конфедерата. Разумеется, полностью отступить от роли руководителя она не собиралась и надеялась, что группу британцев удастся и далее держать в собственном подчинении.

– Что с теми нашими сотрудниками, которые на берегу помогают русским? – спросила Маргарет у Ривса.

– Они сами определили свой выбор, - пожал тот плечами. – Если вернуться на тех амфибиях, которые остались на берегу, то их можно будет принять, определив степень полезности каждого для нового общества.

Я правильно поняла, что ты собираешься провозгласить себя диктатором и пресекать любые попытки демократического правления?

– Да брось ты, Маргарет, – поморщился Мэтью. – Любая диктатура есть результат демократического выбора. Ни один вожак не сможет править без согласия на то сильного большинства стаи. Та же монархия всегда держалась на демократической поддержке ее дворянством. А о каком демократическом выборе можно говорить с нашими подопечными? Они же все сугубо либеральные личности, не видящие друг друга за своими пробирками. А я у них отнимать эти пробирки не собираюсь.

– Но как ты видишь наше будущее? Ведь для того, чтобы оно было, нам необходимо демографическое развитие. Даже для того, чтобы социум численно не уменьшался, каждая жизнеспособная семейная пара должна иметь трех детей. Допустим, жизненное пространство МОНИК пока способно принять некое увеличение населения. Но как заставить наших сотрудников, тех самых, которые не видят друг друга за пробирками, заняться продолжением рода? А как будут развиваться дети, живя под куполами комплекса? Плавучая платформа уничтожена. Необходимо будет создавать поселение на берегу?

– Маргарет, я прекрасно осознаю, что впереди нас ждет масса вопросов и проблем. Но, давай для начала обеспечим надежное настоящее, а потом будем думать о будущем.

Они в то время еще не знали, что через полгода планета подвергнется новому далеко не последнему облучению, и многие планы, созревающие в их головах, провалятся, так и не будучи осуществленными. Они не знали, что им долгие годы предстоит прятаться под водой, выходя на поверхность лишь полностью освободившись от металлических предметов.

Глава – 6

Игорь

Оглянувшись, я невольно вздрогнул и отступил назад, краем сознания отметив, что наступил на валяющуюся под ногами кору, приведя ее в окончательную негодность. А вздрогнуть было от чего. Передо мной, весело скалясь, стояла лошадь. До сих пор этих животных я видел только в исторических голофильмах или симуляторных играх. Правда, там они выглядели несколько иначе – тело было покрыто короткой шерстью, а не серебристой чешуей, как у находившегося передо мной экземпляра. Кроме того, все те лошади при ходьбе издавали характерное цоканье, так как имели жесткие копыта, а не мягкие двупалые лапы, оканчивающиеся короткими толстыми когтями. В остальном, если не считать отсутствие гривы, я сейчас видел самую настоящую лошадь. А точнее, коня, о чем сообщил голос сверху:

– Ты чего уставился на моего коня, как на предмет тайного вожделения?

Испытав некоторое облегчение от осознания, что говорит не лошадь, я перевел взгляд, но увидел только одетые в серые штаны и обутые в мягкие кожаные сапоги коричневого цвета ноги, вставленные в веревочные стремяна. Сам всадник был скрыт за занавесом из длинных листьев, опускающимся с навеса над его головой. Треугольный навес, связанный из тонких жердин и заплетенный все теми же длинными листьями, держался на двух шестах, прикрепленных к седлу перед всадником. Из-за отсутствия опыта наездника, мне подумалось, что логичнее и удобнее было бы сделать крепление навеса за спиной. Однако чуть позже я убедился, что в таком случае оказалось бы весьма проблематично забираться в седло.

– Ты чего молчишь, парень? Немой, что ли? – человек нетерпеливо отодвинул одной рукой заслоняющий его занавес, вероятно, чтобы лучше меня рассмотреть, и я увидел его лицо – небольшая рыжая борода, крупные черты светлого, покрытого частыми веснушками лица, широко открытые голубые глаза.

– Вы русский? – задал я первый пришедший в голову вопрос.

– Нет, блин, я галант! – возмущенно воскликнул рыжебородый. – Да кто ты такой? Ты не от Владимира, что ли?

Я конечно понимал, что представляю собой жалкое зрелище, но чтобы ассоциироваться с блином, которым сейчас обозвал меня этот русский... Русский? Русский! Ну естественно русский. Ведь Эрлика находится на территории Российской Империи. А я с самого начала, когда еще только стало известно о предстоящем взводе задании, знал об этом. Однако не придавал значения, будучи уверенным, что все мои соотечественники, не успевшие или не пожелавшие покинуть оккупируемые галантами планеты, уничтожены. Но оказывается, на этой планете еще живут люди. И как знать, не они ли являются тем загадочным фактором, заставившим захватчиков убраться отсюда?

– Рядовой Новиков! Спецподразделение «Игла», Армия Звездной Конфедерации, – наконец-то представился я. Смутился, поняв, что автоматически произнес это на общегалактическом, и повторил по-русски.

Всадник на какое-то время застыл, выпучив глаза и открыв рот. Когда оцепенение спало, он переспросил:

– Конфедераты?

Я кивнул и пояснил, решив, пока особо не вдаваться в подробности:

– Вообще-то я здесь один. Ночью мой аппарат потерпел аварию, и свалился в реку.

– И где же твой аппарат? – рыжебородый обвел взглядом берег реки.

– Затонул значительно выше по течению. Как далеко меня унесла река – сказать не могу, ибо совершенно не ориентировался в темноте, – я развел руками.

– Ну, ты, блин, даешь! – непонятно чему удивился всадник.

То, что он второй раз обозвал меня блином, несколько оскорбило, однако чувство обиды тут же было заглушено бурчанием желудка, вызванным всплывшими в памяти картинками из далекого детства, когда по выходным в уютной столовой синтезатора выдавали золотистые блинчики с клубничным джемом.

– Хочешь сказать, что ты всю ночь барахтался в Агидели, а потом до полудня шлялся под нашим солнышком вот в таком виде? – спросил рыжебородый, так и не соизволив представиться.

– Извините, я не знаю, чем вас не устраивает мой вид, но мне действительно не очень комфортно торчать на этом пекле. Может, мы проследуем для беседы в какую-нибудь тень?

– Да-да, конечно, – спохватился тот, – Только еще один вопрос. Что ты сделал с родителями чебурашки?

В ответ на мой недоуменный взгляд, он кивнул на притихшего на моем плече пушистика.

Узнав историю нашего знакомства с найденышем, пару раз хлопнул свою животину ладошкой по загривку, и та, подогнув ноги, опустилась брюхом на раскаленный песок.

– Садись сзади. Меня Игорем зовут. И прекращай выкать, а то мне все время хочется оглянуться, чтобы узнать, к кому еще ты обращаешься.

В седле оказалось два посадочных места. Усаживаясь, я понял, почему шесты крепления навеса располагались спереди – иначе они мешали бы перекидывать ногу через спину животного.

Когда я оказался под зеленым навесом, Игорь протянул мне кожаный мешочек с какой-то неприятной на вид желтоватой слизью и сказал, что ее необходимо втереть в открытые части тела, которые поджарились на солнце. Только сейчас я почувствовал, как жжет кожу на кистях рук. Так же досталось ушам, носу и верхней губе. Мазь при втирании приятно охлаждала и снимала боль с обожженных участков. Однако новый знакомый сообщил, что это лишь временный обезболивающий эффект, и посоветовал на то, что у него нет с собой какого-то бальзама, а в поселок мы приедем только к завтрашнему полудню.

Меж тем чешуйчатый жеребец легко поднял нас двоих и, направляемый всадником, споро потрусил вдоль берега в сторону излучины. Не доезжая примерно полпути до нее, мы свернули в лес и поехали дальше по довольно широкой тропе. Оказавшись в тени деревьев, Игорь закинул передние листья на крышу навеса, отсоединил от одной из стоек не замеченный мною ранее тонкий полутораметровый шест, с обоих концов которого были примотаны, как мне показалось, каменные наконечники, и положил его поперек седла. Видя, что он внимательно всматривается в окружающие заросли, я тоже удвоил внимание и крепче сжал свой шест, который уже подумывал выбросить за ненадобностью.

Удивляло отсутствие у местного жителя более серьезного оружия, однако спросить об этом, как и прояснить множество других, крайне волнующих меня моментов, я пока не мог, ибо самому приходилось отвечать на бесконечную лавину вопросов.

Как оказалось, узнав кто я, Игорь решил, что армия Конфедерации не только остановила галантов, но и успешно наступает, продвинувшись уже на русскую территорию. При этом, как мне показалось, в нем боролись два противоположных чувства – с одной стороны, удовлетворение тем, что захватчикам наконец-то дали достойный отпор, с другой, настороженность от того, что вместо одних оккупантов на родные планеты приходят другие. Ведь Звездная Конфедерация была извечным соперником и, так называемым, потенциальным противником Российской Империи. Пришлось разрушить его как надежды, так и опасения, рассказав о действительных реалиях.

Узнав о задаче, с которой был заброшен сюда наш взвод, Игорь крайне удивился – он даже не подозревал, что галанты покинули окрестности планеты. Тут уже я не выдержал и начал задавать вопросы. Рыжебородый отвечал охотно, а вскоре и вовсе, не дожидаясь следующих вопросов, коротко рассказал о событиях на Эрлике, начиная с появления на ее орбите кораблей галантов.

Но сначала о самой планете. Еще до Звездной Войны Эрлика принадлежала Хуннской Империи, народ которой называл себя монголами. Однако в результате общей внутригалактической мясорубки Империя исчезла практически бесследно, а остатки народа монголов оказались слишком незначительными, чтобы претендовать на какое-либо территориальное наследие, и подобно китайцам попросту растворились среди населения государств, во владения которых отошли их бывшие планеты.

Эрлика оказалась на территории России, однако долгое время оставалась непригодной для жизни из-за большой концентрации в воздухе веществ, являющихся смертельными для человека. Но прошло время, и Российская Империя оправилась от тяжелой войны. Появились достаточные технические и людские ресурсы для освоения по праву принадлежащих русским миров. Дошел черед до Эрлики. Атмосфера к тому времени значительно очистилась, но все же пришлось распылить в ней некоторое количество реагентов, в результате чего через пару лет она стала полностью пригодной для дыхания.

Ввиду того, что значительная часть планеты оказалась покрытой джунглями, в которых обитали многочисленные уникальные животные, Эрлику отдали во владение Академии Галактической Зоологии. В результате фауна планеты пополнилась представителями животного мира многих других миров со сходными условиями обитания. Что в свою очередь привело к неожиданному появлению новых подвидов от биологически совместимых представителей разных планет.

Слушая Игоря, я подумал о звере, оставившем огромные трехпалые следы рядом с местом моей ночевки. Но спрашивать ничего не стал, так как в первую очередь желал дожждаться, когда повествование наконец-то дойдет до оккупации планеты галантами, и главное, о причине их ухода.

Однако мои ожидания в полной мере не оправдались. Ни новый знакомый, ни кто либо из известных ему людей не видел самих галантов, и не мог даже предположить, что это за существа.

Игорь был десятилетним мальчишкой, когда на орбите планеты появились серые сигарообразные монстры. Разумеется, на Эрлике знали о вторжении, но до сего дня флот пришельцев находился настолько далеко, что причин для паники никто не видел. К тому же, надо учесть, что население галактического заповедника составляли в основном, не простые люди, а ученые, как правило, отрешенные от всего, кроме своих интересов, то вероятно, результат был бы тот же, даже если флот галантов находился в непосредственной близости. То есть, вряд ли кто-то мог оторваться от исследований и задуматься об эвакуации. А имперский флот к тому времени уже был уничтожен в попытках противостоять захватчикам.

В общем, никто галантов на Эрлике не ждал.

Ребята играли в догонялки на озере, когда в небе появились небольшие серые диски около метра в диаметре. Точное их количество никто не запомнил, ибо сразу же стало не до этого. Игорек гнался вплавь за своим другом Артуром. Они находились почти на середине водоема, когда Артур дико закричал, закрутился, поднимая тучу брызг, и вдруг затих и скрылся под водой.

За долю секунды в голове Игорька пронеслась мысль, что в результате какой-то невероятной неполадки отключился защитный периметр, и в озеро проникли хищные твари из заповедного леса. Однако отец не раз уверял, что система продублирована несколько раз и имеет наивысшую степень надежности.

В следующее мгновение он нырнул вслед за другом, достиг безвольно опускающееся тело, от которого расходилось красное облачко крови, и, схватив за волосы, потащил к поверхности. Вынырнув, перехватил Артура левой рукой подмышки и изо всех сил поспешил к берегу, где как полоумные орали остальные товарищи. Загребая одной рукой, Игорь злился на мальчишек, которые вместо того, чтобы поспешить ему на помощь, в панике орут что-то нечленораздельное. Он тогда подумал, что они испугались вида крови, которая стекала откуда-то то ли с груди, то ли с шеи Артура. Спасателю самому было не по себе, но он действовал, что называется, на адреналине. На проплывающие в небе серые диски не обратил внимания – не до них было, да и мало ли какие новые аппараты патрулируют границы ареалов обитания многочисленных видов животных, не позволяя им бесконтрольно уничтожать друг друга.

Когда под ногами оказалось плотное песчаное дно, Игорь хотел крикнуть, чтобы кто-нибудь помог вытащить Артура, но, взглянув на берег, невольно остановился. Сперва он обратил внимание на стоявшего на четвереньках Витальку, которого нещадно рвало. Потом перевел взгляд на Леху. Тот хрипло выл сорванным голосом, уставившись выпученными глазами на то, что осталось от его левой кисти – кроваво-опаленное месиво с частично сохранившимися пальцами и белеющими косточками. Макс лежал, уставившись мертвым взглядом в небо, а на его груди и животе чернели страшные раны. По всему пляжу дымились кучи каких-то лохмотьев. В воздухе стоял тошнотворный смрад.

Опомнившись, Игорь дотащил тело друга до берега и только тут осмотрел его. Кожа на шее Артура была глубоко рассечена. Края чудовищной раны вздулись и покрылись кровавыми пузырями. Опустив мертвого друга на песок, мальчишка сам сел рядом. Несмотря на то, что только что вышел из воды, почувствовал, как покрывается противным холодным потом. В глазах потемнело, и захотелось лечь и забыться в небытие, отрешившись от кошмарной реальности. Однако Лехины подвывания, перемежающиеся со всхлипываниями Витальки, не позволяли этому случиться, цепко удерживая сознание на поверхности.

– Что произошло? – спросил он товарищей, когда сознание окончательно прояснилось, и темнота отступила.

Но ни ответа, ни какой-либо другой реакции на его вопрос не последовало. Сообразив, что необходимо срочно сообщить обо всем взрослым, Игорек поднялся и поискал взглядом свои вещи, дабы воспользоваться коммуникатором, и ошарашенно увидел кучку дымящегося тряпья на том месте, где разделся. То же было и с вещами товарищей. А кар, на котором приехали к озеру, попросту исчез. На его месте чернела большая смердящая черная клякса, от которой ощутимо веяло жаром.

– Виталь, слышь, Виталь, – он потряс за плечо хнычущего друга. – Я побегу в поселок за взрослыми. А ты Лехе руку перевяжи чем-нибудь. Хорошо?

Намеренно не дожидаясь ответа, Игорек развернулся и побежал. Он сомневался, что Виталька сможет помочь Лехе и не упадет в обморок от вида того месива, которое осталось от кисти друга. Однако и его самого все еще сильно мутило, и он бежал не столько за помощью, сколько убегал от окружающего кошмара.

Шок прошел, и из глаз брызнули слезы. Всклипывая Игорек взбежал на пригорок и остановился, не в силах поверить в увиденное. Поселка не было. На его месте чадили оплавленные развалины, одного взгляда на которые было достаточно, чтобы понять – кому-либо выжить в этом аду вряд ли удалось. Лес вокруг выгорел, но из-за высокой сезонной влажности пожар не распространился.

– Какое же оружие использовали галанты для уничтожения поселка? – не сдержавшись, я перебил рассказчика. – Любое известное мне оружие, способное оставить от современного поселения оплавленные руины, должно было вызвать мощную взрывную волну, которую вы просто не могли не заметить. Пусть озеро находится в низине или скрыто при-

горком, но на сотрясение почвы вы точно обратили бы внимание. А судя по тому, что ты ничего не сказал о воронке, взрыв скорее всего был надземный...

– Не было никакого взрыва, – теперь уже Игорь прервал мои рассуждения.

– Но тогда как... – я терялся в догадках, каким образом несколько метровых дисков могли сотворить подобное.

– Как – не знаю, – пожал он в ответ плечами. – Но каким-то образом им удастся на расстоянии мгновенно накалять металлы до нескольких тысяч градусов, заставляя те буквально вскипать. При этом все остальное, включая даже руду тех же металлов, этому воздействию не поддается, если не считать возгорания от непосредственного соприкосновения с плавящимися металлами. Ты понимаешь, что это значит?

Я искренне помотал головой, потом, сообразив, что затылком Игорь увидеть мой жест не может, сказал:

– Честно говоря, совершенно ничего не понимаю.

Глянув на меня через плечо, он продолжил:

– Эти дисколеты являются особо извращенным оружием, созданным специально для уничтожения цивилизаций. Понятно?

– К-хм... Поясни.

– Ты можешь представить себе цивилизованного человека, не контактирующего с металлами? Сомневаюсь. Вот я могу, ибо почти два десятка лет являюсь таковым. Хотя, вряд ли можно назвать наш нынешний быт цивилизованным. Но до нашествия галантов металл в нашей повседневной жизни присутствовал везде и практически во всем – начиная от одежды и до арматурных каркасов зданий. А различные протезы и импланты? А наручные коммуникаторы и женские украшения? И, представь, все это вдруг в одно мгновение накаляется до нескольких тысяч градусов...

Я попытался представить, и мне сразу стало неудобно в комбезе из металлизированной ткани. А магнитные застёжки на ботинках и вовсе будто бы начали жечь ноги.

– Но неужели за все время не придумали никакого способа защиты? – спросил я, чтобы отвлечься.

– Кто и каким образом? – усмехнулся собеседник. – Ты, блин, что, не представляешь масштабов ущерба от этого оружия? Да, блин, все достижения цивилизации тесно связаны с различными металлами. Понимаешь? И вот все это раскаляется и вскипает, сжигая все, что находится вблизи. Мой друг Артур погиб от того, что у него на шее была цепочка, которую подарила моя сестренка. У Лехи расплавившийся коммуникатор сжег кисть руки. А Макс не играл с нами в догонялки. Он лежал и разглядывал фигурки от новых трехмерных шахмат, которые высыпал себе на грудь и живот. Мне и Витальке повезло лишь потому, что на нас были только плавки.

Игорь замолчал, вероятно заново переживая события того страшного дня.

Я не спешил задавать новые вопросы, стараясь осмыслить услышанное.

Теперь становилось понятно, почему до сих пор с оккупированных территорий не было никакой информации. На этих территориях попросту не осталось оборудования, с помощью которого можно было что-то передать. Да и от населения, скорее всего, остались жалкие крохи. Я даже не могу представить, какой процент населения любой из планет земного типа может оказаться вне контакта с различными металлами. Да еще и на достаточном удалении от них, чтобы не сгореть и не погибнуть под обрушившимися строениями? М-да... Уверен, на Кинге погибли бы абсолютно все.

Но кому-то ведь удалось отсюда вырваться! Иначе, откуда командованию удалось узнать о том, что галанты покинули окрестности планеты? Если это так, то командование знает об оружии галантов, но держит сведения в секрете. В принципе это логично. Что даст обнародование? Ничего, кроме всеобщей паники.

Прервав молчание, я поделился с Игорем сведениями о вероятности того, что кому-то удалось покинуть Эрлику. Рассказывая об этом, надеялся, что новый знакомый прояснит вопрос. Однако он искренне удивился, и лишь после недолгого раздумья заговорил:

– Вот, блин. Похоже, парни Владимира говорили правду, что уцелела какая-то глубоководная океанская база. Они еще говорили, что на ней находится какой-то внутрисистемник, на котором можно покинуть планету.

– Вообще-то, корабли внутрисистемного класса не приспособлены опускаться на планеты с плотной атмосферой, – усомнился я. – Во всяком случае, известные мне корабли. Для этих целей предназначены орбитальные челноки. А во вторых, они так же не предназначены для дальних перелетов, и до ближайшего генератора прокола могут добираться годами, при условии, что хватит энергозапаса.

– Я, блин, в этом не разбираюсь, – признался Игорь. – Думаю, что парни Владимира тоже.

Я уже понял, что «блин» является не обращением ко мне, а неким сорным элементом в речи рыжебородого. И теперь единственной реакцией на него являлось голодное бурчание в желудке. А тут еще снова захотелось пить. Но пока я боролся между желаниями – спросить, кто такой Владимир, и поинтересоваться, нет ли чего-нибудь поесть и попить, мне прямо в ухо громко запищал забытый мною пушистик.

Глава – 7

Мария

Дверь поползла, закрывая выход. Мария осталась одна в лаборатории. Однако вездесущие глазки видеорегистраторов продолжали наблюдать за ней.

Это был первый случай, когда ее настоятельно попросили не покидать комплекс на выходные дни. Проводимый с ее участием эксперимент вошел в завершающую фазу, и Венкус попросил Марию, чтобы она лично завершила работу. Казалось бы в этом нет ничего необычного, если бы не одно но. На коммы всех троих коллег, работающих с ней, одновременно поступили какие-то сообщения, заставившие их срочно покинуть лабораторию. Через несколько минут вернулся один Венкус и, явно волнуясь, несколько бессвязно выложил просьбу, якобы исходящую от администрации комплекса, после чего, не дав Марии высказаться по поводу неожиданной просьбы, поспешно удалился. Закрывшаяся за ним дверь явно говорила, что отказа в просьбе не предусматривалось.

До последнего момента захватившие МОНИК иностранные коллеги выполняли свою часть договора по поставке медикаментов в общину, расширив ассортимент в уплату за привлечение Марии к исследованиям. Но каждый раз, отправляясь на неделю в подводный комплекс, она переживала за дочь. Славка выросла излишне самостоятельной девушкой, и кроме родителей на нее имел влияние лишь старый друг и наставник Матвеич. Но Матвеич может застрять в своей пещере, увлекшись очередным изобретением и забыв обо всем на свете. Владимир – муж Марии и по совместительству глава общины – как раз возглавил дальнюю экспедицию и вернется лишь через несколько дней. И кто знает, что предпримет Славка, не дождавшись мать в назначенный день?

Следя за показаниями мониторов, женщина задумалась о родных людях.

Странная штука жизнь, когда твоею судьбой становится человек, принявший тебя при первой встрече чуть ли не в штыки. Да-да, Вересов Владимир был категорически против назначения на должность штатного медика в его геолого-разведывательную партию юной студентки с биофака!

Легкая тень улыбки тронула губы Марии, когда в воспоминаниях всплыла история знакомства с будущим мужем.

Еще в школе ее любимыми предметами были химия и биология. Тогда же ее захватили идеи по использованию природных механизмов в медицине, и некоторые из них впоследствии удалось успешно реализовать, внося немалую лепту в мировую науку. Частенько в мечтах юная школьница отправлялась в экспедиции на неизведанные планеты, где, естественно, открывала новые организмы, способные подарить людям продление жизни, граничащее с бессмертием. Именно эти мечты заставили девочку записаться в туристическую секцию и во время каникул учиться сплавляться по рекам, подниматься в горы и спускаться в пещеры. Итогом стал первый юношеский разряд по туризму, полученный на туристической олимпиаде уже во время учебы в университете.

Однако не только разряд по туризму стал достижением Марии. Ее студенческие работы на стыке медицины, микробиологии и фармакологии обратили на себя внимание крупных авторитетов в этих областях, что немедленно отразилось в приглашениях работать в самых престижных исследовательских центрах галактики. Но девушка поступила в аспирантуру на кафедру общей клинической фармакологии с курсом микробиологии при Академии Наук Российской Империи.

Оставалось осуществить мечту об экспедициях в неизведанные миры. Однако в АН РИ в подобные экспедиции отправляли лишь тех сотрудников, которые имели немалый опыт, да и коллективы в экстремальных предприятиях были исключительно мужские.

А где взять опыт, не участвуя в экспедициях?

И все же случай представился.

Это была экспедиция на планету Ани в мало изученной Курильской системе.

Ани – небольшая планета, малопригодная для жизни людей, большая часть суши которой занимают горные кряжи, богатые редкими рудами. Атмосфера планеты перенасыщена электричеством, что является причиной частых сильных сухих гроз. Однако и грозовые ливни совсем не редкость, как и возникающие в следствие сходы селей. Нередко грозы сопровождаются подземными толчками, приводящими к горным обвалам. Есть ли взаимосвязь между этими явлениями, ученые пока не выяснили, как не могли и предсказать сейсмологические причуды Ани. Поэтому на планету зачастили сейсмологи и гидрометеорологи. А вот до изучения живой природы уникального мира дело пока не дошло.

И вот, когда очередная геолого-разведывательная партия прибыла на Ани и уже приступила к работе, штатный медик был вынужден срочно вернуться домой по семейным обстоятельствам. Заместитель начальника партии, отвечающий за кадровый вопрос, обратился с запросом к своему старому другу профессору Жемчугову, возглавляющему медико-фармакологическую кафедру, с просьбой срочно найти замену отбывшему специалисту. Помятуя о не раз высказываемом горячем желании молодой аспирантки, профессор предложил кандидатуру Марии, способной, помимо основных обязанностей медика, присмотреться с научной точки зрения к особенностям местной микрофлоры и фауны. В качестве весомого аргумента, он пообещал другу выбить под это дело дополнительные фонды для экспедиции. В итоге, на той стороне дали согласие на женскую кандидатуру, и Мария отправилась на Ани.

На планете девушку встретил тот самый друг профессора Жемчугова, представившийся Степаном Матвеевичем Матюшиным. Коренастый улыбчивый мужчина средних лет сразу отнесся к Марии по-отечески тепло, вызвав тем самым ее доброе расположение.

А вот знакомство с начальником партии ее крайне разочаровало. Владимир Вересов – молодой, всего-то на пять лет старше ее, высокий кареглазый мужчина – принял девушку сухо, если не сказать холодно, откровенно дав понять, что он согласился на ее кандидатуру лишь вынужденный отступить перед обстоятельствами, а вернее, перед строгими правилами, запрещающими геолого-разведывательные работы без наличия штатного медика. Подчеркнуто сухие отношения с Вересовым сохранялись и в дальнейшем. И это при том, что остальные члены экспедиции относились к ней с добрым вниманием, а Матвей и вовсе окружил отеческой опекой.

Однажды, после обвала, возникшего в результате очередной серии подземных толчков, Владимир с группой геологов оказался заперт в узкой расселине, над которой нависала скала с отрицательным уклоном, не дающая возможность эвакуации с воздуха. Пока инженерно-спасательная техника пробивалась сквозь завал, произошел еще один толчок, и с той стороны сообщили, что Владимир получил серьезную травму позвоночника и находится без сознания. Пробиваться через завал предстояло еще несколько часов, а встроенный в комбинезон Владимира кибер-доктор сигнализировал о необходимости срочной медицинской помощи.

Консультируя находившихся рядом с пострадавшим товарищей, Мария, пользуясь тем, что общее внимание сосредоточилось на разборе завала, подняла медицинский гравикар на вершину нависающей над расселиной скалы, надела на плечи ранец с портативным реаниматором и с помощью имеющегося в каре капронового шнура, рискуя быть погребенной под очередным обвалом, спустилась в расселину.

Благодаря отчаянному поступку девушки, Владимир продержался несколько часов, пока его не поместили в регенерационную капсулу и не отправили в ближайший медицинский центр.

А через несколько дней вернулся штатный медик, и Мария покинула суровую планету.

Прошло три месяца и с вахты сообщили на кафедру, что Марию ждут в вестибюле академии.

Еще с лестницы девушка заметила знакомую фигуру сурового геолога – высокий, темноволосый, с уверенным разворотом плеч и с выражением полной невозмутимости на загорелом лице.

Только тут она призналась себе, что скучала все эти месяцы и в тайне надеялась на встречу с Вересовым. Сердце предательски забилося. Стараясь всеми силами сдерживать волнение, девушка пересекла холл.

Они поздоровались. После обмена парой вежливых фраз, Владимир сразу перешел к делу:

– Принято решение об организации крупной сводной экспедиции. Требуются биологи с медицинской специализацией.

Мария внутренне собралась, готовясь выслушать деловое предложение. Но что-то произошло. Суровый геолог вдруг запнулся, на его лице отразилось явное смущение.

– Я за тобой, – сказал он негромко и после небольшой паузы добавил: – Выходи за меня замуж.

Тянуть после принятого решения было не в характере обоих, и вскоре они расписались.

Вересов оказался внимательным, заботливым и нежным мужем. Вот только нежность проявлялась лишь в домашней обстановке. В экспедициях, в которые они теперь нередко отправлялись вместе, это был по-прежнему строгий и требовательный начальник, никому не делающий исключений. Марии порой приходилось использовать все свое терпение, чтобы не подрывая авторитета мужа, мягко, но настойчиво отстаивать свою точку зрения по тому или иному экспедиционному вопросу.

– Опять все по-твоему, – недовольно бурчал в таких случаях Владимир, делая вид, что не замечает старательно скрываемых улыбок присутствующих коллег.

Больше всех их союзу обрадовался Матюшин, приписавший себе главную заслугу в этом. Нередко он шутя напоминал Владимиру, что если бы не его, Матвеича, забота о подопечном начальнике, то бегать Вересову по горам и пещерам одиноким неандертальцем до конца дней своих. А то бывало в качестве последнего аргумента во время производственных споров мог выдать такое:

– Вот расскажу Машке, как ты с первого взгляда влюбился, и потому хотел избавиться от нее, чтобы любовь не мешала работе, будешь знать!

На Эрлику Мария и Владимир попали в рамках имперского проекта по изучению уникальных заповедных планет земного типа. К тому времени у Вересовых уже было несколько крупных совместных экспедиций, но этот проект обещал растянуться на несколько лет, а то и вовсе стать делом всей жизни. По крайней мере, для Марии, уже имеющей несколько известных научных работ по использованию морских биоресурсов в фармакологии, в прикладном плане позволивших приступить к созданию новых видов эффективных регенерирующих кремов и гелей, а так же новой линейки косметических средств.

На Эрлике Вересовой Марии предложили возглавить сектор фармакологических исследований в Международном Океанологическом Научно-Исследовательском Комплексе, располагающемся непосредственно в океане. Масштабы и возможности впечатляли. Это уже были не полевые исследования в сжатые экспедиционные сроки, а возможность солидных научных изысканий в условиях стационара на мощной материальной базе при неисчерпаемых ресурсах местных глубин. Эрликанская океаническая флора и фауна оказалась

интересна не только по своей микробиологической составляющей, но и по набору микро-элементов. Первые же опыты показали хороший результат по восстановлению и омолаживанию клеток человеческого организма.

Владимиру на Эрлике так же предстояла большая работа по своему профилю. Он назначался главой координационного геолого-разведывательного центра планеты, с перспективой преобразования его в будущем в Горный НИИ. А на первых порах необходимо было наладить системное многостороннее исследование прибрежных территорий в плане геодезии и сейсмологии. В организации всех этих дел Владимиру помогал все тот же заместитель и по совместительству наставник Матюшин Степан Матвеевич.

Геолого-разведывательный центр находился вблизи Океаногграда, и его сотрудники, как и персонал МОН?ИК, имели возможность комфортного проживания. Но главное, для четы Вересовых была возможность иметь собственное жилье и видеться ежедневно после трудового дня. Впрочем, не так уж и ежедневно, ибо Марии нередко приходилось проводить по несколько суток в удаленном от берега исследовательском комплексе, проводя особо ответственные эксперименты, требующие постоянного внимания. Владимир ворчал по этому поводу, но понимал жену. Ведь он и сам был фанатом собственного дела и при необходимости так же точно мог дневать и ночевать на работе.

Впрочем, у Марии, как и у каждого научного сотрудника МОНИК, имелись собственные апартаменты в жилом комплексе, а так же на плавучей платформе имелись комфортабельные гостиничные номера. При желании Владимир мог бы и сам навещать супругу. Однако в этом не было смысла, коль все равно она была занята работой.

Говоря по совести, был и еще один фактор нежелания Марии приглашать мужа в МОНИК – глава сектора Звездной Конфедерации Мэтью Ривс, проявляющий к ней нездоровое внимание и утомляющий назойливым ухаживанием, граничащим с банальным приставанием. Кое-кто из коллег Марии даже предлагал посодействовать в урезонивании наглеца-конфедерата, но девушка старалась до последнего избежать конфликта, тем более с иностранными гражданами. Понятно, что узнай о назойливом прилипале Владимир, громкий скандал с членовредительством был бы обеспечен.

Зато когда выдавались два-три свободных дня, Мария с удовольствием отправлялась с мужем в горы, вспоминая былые совместные экспедиции. Особенно ей нравилось бродить по местным пещерам, ближайшие из которых уже были оборудованы под центр подготовки спелеологов. А самым удивительным созданием природы была огромная пещера-грот с озером, частично открытая сверху. В центре озера высился каменный цветок, созданный невесть какими силами природы. Когда проникающие сверху солнечные лучи попадали на цветок, тот словно искрился в их свете, а после захода солнца сам озарял пещеру мягким теплым свечением.

В планах Марии было организовать экскурсию для семей своих сотрудников в удивительный грот, и она уже не раз обсуждала это с Владимиром. В конце концов, для всех желающих было сделано объявление и назначена дата.

Глава – 8

Мраморный кот

– Проголодался? – глянул через плечо Игорь.

– Есть немного, – признался я, думая, что он спрашивает у меня.

– Вон зоркий глаз ползет, – парень указал на толстый ствол. – Чебурашки их любят.

Пока до меня доходило, о чем речь, чешуйчатый жеребец лег на землю, давая нам возможность покинуть седло. Сообразив наконец-то, что Игорь имел в виду моего пушистого питомца, я увидел ползущего по коре большого жука, окраска которого действительно напоминала прищуренный глаз – красная головка, голубое тело с коричневым, напоминающим зрачок, пятном посередине.

Не решившись взять жука рукой, я повернулся к нему плечом, на котором сидел пушистик. Практически молниеносно мелькнул длинный язычок, и жук исчез со ствола. У моего уха раздался хруст и довольное урчание.

– Игорь, у тебя какая-нибудь еда с собой есть? – я все-таки решил позаботиться о собственном желудке. – А то я со вчерашнего дня ничего не ел. И пить хочется.

– Конечно есть, – с готовностью отозвался тот. – Только есть будешь в седле. Надо до сумерек убраться подальше от реки. А то и твой чебурашка не поможет.

Почему он так спешил, я выяснил, уже покачиваясь на спине жеребца и жуя натуральное вяленое мясо, хрустя сухарями и каким-то сочным продолговатым зеленым плодом, который рыжебородый назвал огурцом. Оказывается, в спокойных заводях Агидели плодятся ядовитые мухи анахи. Серые самки стремятся напиться крови крупных животных, при этом впрыскивая парализующий яд. Напившись крови, анахи спариваются с самцами, отличающимися ярко-оранжевой окраской. После спаривания самцы пожирают самок, оставляя лишь брюшко с оплодотворенными яйцами, которое сбрасывают в воду. Не оплодотворенные в течение ночи самки погибают под жаркими лучами местного солнца. Самцы спокойно переносят дневной зной и живут несколько недель. Для человека укус анахи смертелен.

– Потому в этих местах можно спокойно находиться днем, ибо опасных самок уже нет, а никто из крупных зверей сюда заходить не рискует, – пояснил Игорь. – И потому, честно признаться, мне с трудом верится, что ты провел ночь на берегу. Вероятно, ты выбрался на берег уже на рассвете. Да и то удивительно, что тебя не сожрал ни один речной хищник. Агидель кишит разными опасными тварями.

М-да... Ну что я мог ему ответить? Оставалось лишь пожать плечами.

Как же все-таки мне повезло повстречаться с этим рыжебородым парнем. Вряд ли мое везение бесконечно, и, скорее всего, уже следующей ночью из моего поджаренного солнечными лучами трупца высасывали бы кровь крылатые подружки тех оранжевых анахов, которыми закусил у заводи пушистик. Хотя, как знать. Комбез наверняка им не по зубам. А воздушное пространство вокруг головы надежно охраняет Пик. Или надежность его охраны зависит от нужного ему для насыщения количества насекомых? Кисти рук вот тоже незащищенные остаются...

– Кстати, по поводу крупных животных. Одно точно бродило по берегу этой ночью, – и я рассказал про огромные трехпалые следы на песке.

– Что-о?! – Игорь остановил чешуйчатого жеребца и повернулся ко мне так резко, что даже напугал пушистика, который тревожно пискнул и прижался к моему уху мягким теплым тельцем. – Почему ты сразу не сказал, что видел следы рохты?

– Чьи следы? – я удивленно воззрился на рыжебородого. – Рохты?

Рохта... Я определенно слышал когда-то это слово... И не просто так мне показались знакомыми следы... Рохта... Только раньше отпечатки огромных трехпалых лап я видел не на песке, а на снегу. И отпечатки маленьких лап там тоже были на краю невысокого обрыва...

Я вспомнил!

Учебный рейд по заснеженным сопкам на безымянной планете, где проходили мои первые полгода армейской службы. Нелепый случай, когда ночью пошел облегчить мочевой пузырь и, словно в дурацкой притянутой, провалился, благодаря обрушившемуся снежному карнизу, нависшему над высоким обрывом. Пришлось долго брести вдоль него, пока тот не снизился настолько, что я смог забраться наверх и вернуться к месту стоянки подразделения.

Утром отряд двинулся как раз в ту сторону, откуда я возвращался. Подойдя к обрыву, мы увидели цепочку огромных трехпалых следов,двигающихся параллельно моим. Неведомый зверь следовал за мной по пятам до того места, где я забрался наверх. Здесь он некоторое время топтался, после чего почему-то развернулся и отправился восвояси. Но наверху обрыва остались еще несколько маленьких трехпалых следов.

Когда по возвращению из рейда об этих следах узнал капрал, его реакция была такой же, как сейчас у Игоря. Он тогда тоже воскликнул, что эти следы принадлежат какому-то загадочному рохте, после чего поволок меня к командиру роты.

Впоследствии я узнал, что таинственное существо рохту, оставляющего трехпалые следы, никто до сих пор не видел. Но главная загадка была не в этом. Дело в том, что оставляемые рохтой следы можно было увидеть только невооруженным взглядом. Никакими сканерами или объективами они не фиксировались. Я сам видел через планшет ротного то место в сопках – на изображении были только мои следы. Подобный феномен крайне интересовал военное ведомство Конфедерации, и тому, кто смог бы хоть немного его прояснить наверняка перепадет неплохое вознаграждение.

И вот теперь оказалось, что загадочный рохта присутствует и на Эрлике. И мне вновь невольно посчастливилось с ним пересечься.

– Эх, что же ты сразу не сказал про следы? – разочарованно повторил Игорь. – Теперь на берег можно будет вернуться только утром.

– Зачем тебе этот рохта? – спросил я, искренне недоумевая.

Стремление парня было бы понятно, происходи это на неоторванной от цивилизации планете. Но здесь осталась жалкая горстка чудом выживших людей, – кстати, надо узнать сколько? – пользующихся каменным оружием. Или Игорь знает о таинственном звере что-то такое, что может быть полезным даже в его ситуации?

– Мой отец всю жизнь посвятил поискам рохты, – после некоторого молчания заговорил рыжебородый. – Из-за этого мы и переехали на Эрлику.

Он снова замолчал, а я решил рассказать свою историю знакомства со следами интересующего его существа.

Тем временем начало смеркаться. Лучи опускающегося к горизонту светила уже не могли пробиться сквозь густые заросли, и если бы не проблески все еще светлого неба над широкой тропой, то вокруг уже мог царить сплошной мрак.

Игорь заметно обеспокоился и, крепче сжав свое оружие, внимательно всматривался в заросли. Я последовал его примеру, однако ощущение незащищенной спины не давало покоя. В конце концов, решил уточнить, какая опасность нам угрожает, и предложить перевернуться спиной к спине, чтобы я смог отразить нападение сзади. Но тут мы выехали на большую поляну, посреди которой росло могучее раскидистое дерево, и Игорь произнес:

– Здесь заночуем.

Он разнуздal коня, отсоединил от седла навес, после чего снял само седло и крепким шлепком по чешуйчатому крупу отправил скакуна пастись в сумеречную чащу. Жеребец

резво вломился в кусты и вскоре хруст ломающихся под мощными совсем не похожими на лошадиные ноги лапами сухих веток затих вдали.

Куда это он так резво ускакал? – удивился я.

– К воде. Вулкан ее чует за несколько километров, – пояснил парень, обходя поляну по кругу и брызгая на кусты какой-то резко пахнувшей жидкостью из пластиковой фляжки. Заметив мой вопросительный взгляд, усмехнулся: – Неприятно пахнет? Ну, уж лучше нюхать эту гадость, чем быть сожранным ночью одной из местных тварей.

– Местные твари боятся этого запаха?

– Они боятся мраморного кота, который таким запахом метит свою территорию.

– А как же Вулкан? Его хищники не сожрут?

– Палийского мустанга? – высоко вздернул рыжие брови Игорь. – Да его чешуйчатую шкуру ни одна тварь не прокусит. Даже мраморный кот. И даже анахи. У этих представителей палийских пустынь на Эрлике просто нет врагов.

Закончив с опрыскиванием кустов, парень принялся собирать сухие ветки. Мне было неловко стоять просто так, и я стал помогать ему, по ходу поинтересовавшись, для чего мы это делаем.

– Разведем костер, – коротко ответил Игорь.

– Зачем? – снова спросил я, предполагая, что костер нужен для приготовления пищи.

– Кроме анах, здесь хватает и более безобидных, но ужасно неприятных летучих вампиров. Если начнут досаждать, бросим в огонь вот эту травку. Кстати, если пропитать одежду ее дымом, то, пока не выветрится, даже анахи будут облетать стороной. Только засада в том, что необходима свежая трава. Достаточно ей немного подвднуть, и на большинство тварей уже не подействует.

Припоминая различные способы, которыми нас учили добывать огонь капралы в учебке, я с интересом ждал, как с этой задачей справится мой новый знакомый. Ведь, судя по всему, металлической зажигалки у него быть не должно. Но у парня для этой цели оказалось нечто, доселе мне неизвестное. Из кожаного мешочка он достал палочку с серой головкой на конце и брусочек, покрытый таким же серым веществом. Игорь чиркнул палочкой по бруску, и та с шипением загорелась.

Через четверть часа мы уже сидели, привалившись к стволу гигантского дерева, жевали вяленое мясо и смотрели на веселые языки пламени, с треском пожирающие собранный сушняк.

Неисчислимый рой вопросов буквально разрывал меня изнутри. Мысли путались и мешались друг другу, не давая выбрать приоритетную. Встретившись с этим рыжим парнем, я воспринял его, как спасителя, и безоговорочно следовал за ним. Впрочем, а что еще мне оставалось делать? Но ведь рано или поздно необходимо будет попытаться вернуться к своей группе. А сделать это, как я теперь понял, без своего робота – у меня одного нет никаких шансов. Согласится ли Игорь помочь? Не зная, как заговорить на эту тему, я задал совершенно другой, также интересовавший меня вопрос:

– Сколько всего людей осталось на планете?

– Не знаю, – парень с хрустом ополовинил сочный огурец и, жуя, продолжил: – У нас шестьдесят восемь человек вместе с детьми. А вот у Владимира под две сотни. Они в пещерах от излучения спасаются. У них под землей даже кое-какое до сих пор работающее оборудование сохранилось. Наши к ним раз в год в зимнее время по реке наведываются за медикаментами.

– Откуда у них медикаменты?

– С подводной базы. Владимир контактирует с людьми из глубоководной океанской базы.

– Что это за база-то такая? – спрашиваю чуть отстранено, наблюдая, как тают в воздухе оторвавшиеся от огня искорки.

– Научно-исследовательская. Ее не коснулось излучение дисколетов галантов. Вероятно, вода служит экраном от него.

Мне подумалось, что только ради этой информации стоило посылать на Эрлику разведку. Вот только, если с этой базы кто-то добрался до территории Конфедерации, то командованию наверняка уже известно об экранирующих свойствах воды.

– Говорят, по ту сторону гор километрах в двухстах на западе есть еще люди, – Игорь отхлебнул теплой воды из бурдюка и передал его мне. – Еще ходят слухи, что где-то есть племя амазонок. Мол, иногда они наведываются на территорию Владимира, ну... сам понимаешь для чего.

– М-да... Не густо вас здесь осталось.

– Поначалу гораздо больше было. Даже удивительно, как много народу находилось вдали от поселений, да еще и не имели на теле никаких металлов. И все же у многих, особенно у женщин, были страшные ожоги от колец, браслетов, сережек и прочих украшений. Хуже то, что не сообразили, в чем дело, и сразу же начали делать различные изделия из валяющихся повсеместно металлических блях. А когда из-за исчезнувших заградительных периметров полезли всякие хищные твари и начали пожирать людей, то и вовсе каждый принялся мастерить хоть какое-то оружие для защиты. Рядом с руинами, оставшимися от нашего поселка, построили кузницу. Кроме оружия начали выпускать посуду, гвозди и много других необходимых вещей.

Первое время все ждали, когда наконец Империя вспомнит о нас и пошлет на планету бригаду МЧС. Но время шло, а к нам на помощь никто не прилетал. Люди все больше верили в то, что в случившемся виноваты вторгшиеся на имперскую территорию галанты, А зимой в небе вновь появились серые дисколеты...

Могучий рык, прозвучавший совсем рядом с освещенной костром поляной, прервал повествование на полуслове, и одновременно стряхнул все более овладевавшую мной дрему.

– Твою мать! – Игорь подскочил, сжимая в руках свое допотопное оружие, и испуганно уставился в непроглядную тьму. – Только этого нам не хватало!

Поняв, что появился серьезный хищник, которого не пугает запах какого-то там кота, я тоже встал, сетуя на себя за то, что забыл науку капралов – не смотреть в темное время суток на источник света, взял прислоненный к стволу шест и, кивнув в сторону зарослей, поинтересовался:

– Запах твоего кота на эту зверюшку не подействует?

– Уже подействовал, – нервно хохотнул рыжебородый. – Это и есть мраморный кот. Он пришел на запах, почуяв соперника.

Рык повторился. Но теперь он звучал правее – вероятно зверь обходит поляну, не решаясь выйти на освещенное место. Может, так и уйдет?

Я прижался к стволу дерева и, глянув на жалкую палку в собственных руках, предположил:

– А вдруг это кошка? – и пояснил обернувшемуся бородачу: – Пришла на запах кота.

– Они гермафродиты, – Игорь пристально всматривался в заросли, откуда вновь не раздавалось ни звука. – У них перекрестное оплодотворение. Но если ты хочешь притвориться партнером того, кто бродит вокруг поляны, то ничего не получится – брачный период бывает весной, и за любовными утехами коты уходят в горы.

– Фу, какая мерзость! – я передернул плечами, слабо представляя, что такое есть перекрестное оплодотворение, но почему-то само словосочетание вызывало во мне отвращение.

Новое чувство прогнало страх и заставило увереннее взяться за шест.

Однако появившаяся уверенность вмиг улетучилась после очередного рыка, раздавшегося за спиной. И как только эта тварь, судя по всему весьма немалых размеров, так бесшумно передвигается в казалось бы сплошных зарослях?

Я прикинул, как быстро смогу забраться на дерево.

– Бесполезно, – сообщил Игорь, вероятно заметивший, как я окинул взглядом ствол. – Коты хоть и слишком тяжелые, но если надо, заберутся на дерево с ловкостью домашней кошки. Лишь бы то выдержало их тушу.

– Что делать-то? – я в отчаянии обратился к товарищу, понимая, что весь мой армейский опыт оказался бесполезен перед какой-то хищной тварью, которой пока даже в глаза не видел.

В ответ тот лишь пожал плечами. Похоже, с подобной ситуацией он так же сталкивался впервые, и о том, что следует предпринять, не знал даже теоретически.

И тут кот вышел на свет. Поначалу я решил, что это всего лишь тень животного и поднял глаза, чтобы увидеть самого хищника. Но когда монстр переместился ближе, стало понятно, что тень и есть припавший к земле кот. Движения трехметрового тела были настолько плавными, что казалось, будто зверь парит над травой. Непонятно почему его называли мраморным, но шерсть оказалась абсолютно черной. Оранжевые отблески костра в больших немигающих глазах завораживали и заставляли цепенеть.

Придушенный писк у правого уха и последующие царапающиеся звуки все же вывели меня из ступора. Скосив взгляд, увидел, как покинувший мое плечо Пик шустро шагает по вертикальному стволу, стремясь быстрее скрыться в густой кроне.

– Хрыар-р-р-р, – показав огромные клыки, снова оповестил о своем присутствии зверь, словно высказывая недовольство, что я отвлекся на какое-то мелкое недоразумение, не представляющее никакого гастрономического интереса из-за своих ничтожных размеров.

Как-то странно вел себя этот хищник. С одной стороны, осторожно крался, будто стараясь как можно дольше остаться незамеченным. С другой – постоянно громогласно рычал.

Ожидая нападения, я выставил вперед шест, уперев один конец в ствол и жалея, что не вооружился более длинной жердиной.

Меж тем костер прогорал, быстро пожирая тонкие ветки, и поляна начала погружаться во тьму.

Заметив, что кот приподнял зад, я понял – еще мгновение, и он прыгнет. Во мне сработал рефлекс, вбитый бесконечными тренировками – нырок, перекат, и вот между мной и зверем догорающий костер. Тут же толкаю ногой в огонь ворох заготовленного на ночь сушняка, и он занимается с веселым треском. Взметнувшееся пламя заслоняет лесную тварь и одновременно ослепляет меня самого. Если сейчас кот обойдет костер стороной, то вряд ли смогу разглядеть его в темноте. Впрочем, а что я смогу сделать, даже если увижу?

И все же, выхватываю из костра несколько наиболее толстых веток в качестве факела и стараюсь осветить ими пространство вокруг.

Рык, и огромная тень стремительно бросается к дереву, где с занесенной над головой каменной булавой застыл Игорь. Черная туша накрывает его, успев все же получить по морде, отчего прежде чем вонзить клыки в поверженную жертву, вскидывает окровавленный нос вверх и издает злобный рев, напоминающий не прежний рык, а басовитое мяуканье.

Бросаю шест в кота, понимая, что с таким же успехом мог запустить в него соломинкой. И все же зверь отвлекается на ударившую его по ребрам палку, а мне этого мгновения хватает, чтобы выхватить из костра еще один пучок горящих веток и с двумя факелами броситься в безрассудную атаку.

– Му-а-а! – снова басом орет отпрыгнувшая тварь после того, как в ее разбитый нос втыкается горящий факел, с треском опаляя усы и короткую шерсть. – Му-а-а!

Уткнув морду в землю, кот яростно трет ее передними лапами, будто пытается содрать кого-то невидимого, вцепившегося в нос. Развивая успех подбегаю к нему и, поймав момент, когда вертящийся зверь поворачивается ко мне задом, втыкаю второй факел ему прямо под короткий хвост. Могучий рев потрясает барабанные перепонки, а в следующий миг страшный удар в грудь выбивает из меня сознание.

Глава – 9

Владимир

Чешуйчатый круп палийского мустанга плавно покачивался при ходьбе. Лапы животного мягко пружинили на спуске по каменистой тропе. Солнце уже поднялось достаточно высоко, но изнуряющий зной сюда не добирался, поэтому солнцезащитные навесы над седлами не устанавливали, ограничиваясь широкополыми шляпами и максимально закрывающей тело одеждой. В нескольких часах пути усталых путников ждал домашний уют и долгожданный отдых под сенью родной пещеры. А пока мысли о скорой встрече с домом мешались с впечатлениями об экспедиции.

Планы об экспедиции на другую сторону горного хребта вынашивались давно. Община росла, необходимо было подумать о будущем. По некоторым сведениям, за кряжем простирались богатые черноземом степи. Но для начала предполагалось выяснить личности наездниц, коих несколько раз видели на перевале охотники, и по возможности установить с ними контакт.

Экспедицию возглавил лично Владимир. Обернуться рассчитывали за неделю, но поездка затянулась. Сработали профессиональные привычки геологов, и несколько дней ушло на разведку подошвы гор, где обнаружили залежи угля, графита и некоторых полезных в нынешних условиях руд. Оправдались надежды и на наличие пахотных земель, орошаемых сбегаящими с гор речушками.

Удалось встретить пятерых представительниц таинственных наездниц. Весьма экстравагантные особы в одеждах из звериных шкур, вооруженные пращами и дротиками с костяными наконечниками, толком о себе ничего не поведали, но и враждебности не проявили. Владимиру даже показалось, что женщины с каким-то подозрительно оценивающим интересом осматривали его отряд. Единственное, что удалось выяснить, дамы являются приверженцами древнего учения о равенстве полов и не признают главенства мужчины над женщиной. К сообщению о том, что пришельцы строят планы на возделывание окрестных земель, женщины отнеслись равнодушно. Вся встреча продлилась несколько минут. Амазонки заявили, что расскажут о пришельцах некоей Маре и ускакали, подгоняя звонким улюлюканьем низкорослых лошадок, кажущихся и вовсе мелкими рядом с могучими палийскими мустангами.

Вспоминая о встрече, Владимир испытывал смутное беспокойство от перспектив будущего соседства со столь одичавшими особами. Подумалось о Марии – вот кто умеет без скандала и ссор настоять на своем. М-да... Если бы в их первую встречу на Ани он отбросил предубеждения и повел себя иначе, то в следующие шесть месяцев ему не пришлось бы чувствовать себя неотесанным ослом рядом с юной докторшей, которую геологи между собой сразу прозвали Марьей Маревной. Конечно, любители ботексной красоты ее бы не оценили, но вместе с ней в лагерь геологов будто пришло ощущение домашнего тепла и подзабытое очарование русской сказки. Нежный овал лица, глубокие зеленые глаза под сенью густых ресниц, волнистые русые волосы, заплетенные в длинную косу. Ни агрессии, ни страха, ни смущения в ответ на ледяное обращение к ней Владимира. Только немного удивления в глазах и в остальном спокойствие и доброжелательность – так, наверное, должен вести себя настоящий врач.

Ему словно поставили диагноз и прописали лечение. Никто не конфликтовал, не подрывал авторитет, не оспаривал решения, просто загоняли в угол его же собственным оружием – профессионализмом и компетентностью. Все аргументированно, мягко, терпеливо, как с ребенком. Какое бы негодование в душе не вызывал подобный отпор, придраться было

не к чему. Поэтому и оставалось, сохраняя лицо, без попыток к сближению продолжать строить из себя суровое начальство, чем дальше, тем больше теряясь в присутствии Марии.

После того, как девушка его спасла, Владимир долго подбирал слова благодарности и строил планы сближения, но когда вернулся из госпиталя, оказалось, что прилетел их штатный медик, и Мария отбыла в свою Академию.

Казалось, все должно было вернуться на свои места. Но возвращаясь вечерами с разведки на базу, он ощущал ее отсутствие и постоянно думал о ней.

Через несколько месяцев, вернувшись с Ани и составляя штат новой сводной экспедиции на очередную мало разведанную планету, Владимир поймал себя на мысли, что обдумывает кандидатуру биолога в разрезе специализации Маши. В результате все-таки отправился в Академию, окончательно убедив себя в правильности сделанного выбора. Встретившись, он так по-деловому и начал разговор, но, взглянув в бездонные глаза девушки, понял бессмысленность попыток обмануть себя и ее. Она была нужна ему безраздельно, каждый день, на всю жизнь.

И тогда, подобно броску головой в прорубь, он сделал предложение, и получил ответ, достойный жены геолога.

С тех пор на их счету была не одна совместная экспедиция, в которых коллеги-геологи, будучи народом суеверным, после нескольких случаев утвердились во мнении, что у Машеньки простых просьб не бывает. Так случилось и с экскурсией в грот. Лично Владимир всегда считал горы не подходящим местом для увеселительных прогулок, но Мария настаивала, ребята поддерживали, а технические вопросы выразил желание взять на себя Матвейч.

Целый день в пещере с озером пролетел незаметно. В особенном восторге были дети – лазание по ближайшим залам и переходам, купание в теплой светящейся воде, пикник на террасе. Высказывались даже предложения остаться на ночь, чтобы полюбоваться на свечение каменного цветка. Но тут неожиданно пропала связь с внешним миром. Удивленные и слегка встревоженные люди засобирались домой.

На выходе из пещер вместо солоноватого морского бриза их встретил запах гари. Смрадные потрескивающие лужи расплавленного металла на месте доставивших их сюда транспортных средств вызвали нешуточную тревогу и заставили поспешить в Океаноград, со стороны которого поднимались клубящиеся столбы черного дыма. Мост через рукав Агидели так же исчез, превратившись в пышущие жаром груды рассыпавшегося железобетона. Пришлось налаживать веревочную переправу через брод выше по течению. Благо для геологов это дело привычное, и на все про все ушло чуть более получаса.

Зрелище, представшее на месте Океанограда, было поистине апокалиптическим, бросившим в дрожь не только детей и женщин, а и повидавших всякого мужчин. Дымящаяся мешанина из разрушенных до основания построек, смрад сгоревших человеческих тел, крики и стоны полуобгоревших людей, которым не повезло умереть в разверзшейся геенне сразу...

Из находившихся в городе не выжил никто. Среди находившихся в окрестностях людей все получили ожоги той или иной степени тяжести.

Выжившие рассказали о появлении в небе серых дисколетов и о том, как все металлические изделия вдруг вскипели и расплавились, сжигая все, к чему прикасались.

Последующие дни геологи, вместе с прибывшим с МОНИК русским персоналом, проводили поисково-спасательные работы, организовывали временные госпитали для пострадавших, хоронили обугленные останки в братских могилах. Подобных ужасов человечество не знало со времен Звездных Войн. Но сейчас все единодушно приняли версию о нападении галантов – пришельцев из другой галактики, о которых уже продолжительное время появлялись сообщения в СМИ. А если это новая космическая война, то на скорую помощь извне лучше не надеяться и надо пытаться выжить собственными силами.

– Галанты выжигают металл, как основу любой техногенной цивилизации, – заключил Матвейч. – Но, похоже, только на поверхности. Сквозь толщу воды и скальной породы облучение не проходит.

Решение напрашивалось само – обустраивать временное жилье в гроте и в подводном комплексе. Семьи геологов были готовы поселиться в спасшей их пещере. Персонал МОНИК склонялся перевезти родных на океанское дно.

Однако вдруг исчезли все транспортные средства с МОНИК, тем самым прервалась связь с оставшимся там иностранным контингентом. Те немногие их представители, которые находились на берегу, помогая в беде русским коллегам, лишь недоуменно пожимали плечами в ответ на вопросительные взгляды. Все прояснилось, когда вернулась амфибия, отправленная на поиск выживших к Горячим Ключам. Прибыв на ней к МОНИК, Мария с группой коллег обнаружили заблокированные шлюзы. По действующей в районе комплекса связи им сообщили, что МОНИК перешел под управление новой администрации, а присутствие русских здесь не желательно.

Что либо предпринимать, имея всего одну амфибию, было бесполезно. Потому вопрос с пиратским захватом подводного комплекса решили временно отложить.

Вересову не раз приходилось брать на себя руководство и ответственность за других. Но все ли он сделал в той обстановке, чтобы спасти людей? Спустя годы, он так и не нашел ответа на данный вопрос. Бессилен оказался и авторитет Марии. Большинство спасенных не пожелали покидать берег, рассчитывая на скорое разрешение недоразумения с подводным комплексом.

Ничто не мешало галантам в любой момент совершить новый налет, и Владимир увел в горы для поселения в гроте чуть более пятидесяти человек, почти все из которых были геологами и членами их семей.

Никто не ведал, сколь долгое время придется провести в горах, потому в первую очередь приступили к обустройству жилья. А на первое время поставили в гроте угле пластиковые палатки, имеющиеся в арсенале центра подготовки спелеологов, оборудованного в местных пещерах. Пригодилось и многое из другого оборудования, имеющегося здесь. Острая нехватка ощущалась лишь в медикаментах, все имеющиеся запасы которых были израсходованы во время поисково-спасательных операций. Также ранее на берег был переправлен и единственный синтезатор пищи со всеми запасами концентратов. Поэтому вопрос с провизией стоял не менее остро, чем вопрос с жильем и медикаментами. Кроме всего прочего, Матвейч предсказал скорое появление диких животных, которые наверняка разбежались из заповедников после выхода из строя отпугивающих их охранных периметров.

Первыми появились гигантские пещерные крысы – стайные ненасытные твари, размерами не уступающие диким свиньям. Они не только уничтожили скудные запасы вяленого мяса, начинающих осваивать охотничью профессию людей, но и невесть зачем погрызли большую часть сохранившегося оборудования, со складированного в отдельной, имеющей естественную вентиляцию пещере, обглодав пластиковые корпуса и покорежив все внутренности. На людей крысы пока не нападали, хотя каждая тварь вполне могла совладать с невооруженным взрослым мужчиной. Ясно, что стоит им хоть раз попробовать человеческого мяса, и поселенцам придется спасаться бегством.

На экстренном собрании мнения разделились на две стороны. Одни предлагали срочно переселяться в общину на берегу, другие предлагали забаррикадировать камнем проходы к гроту и постепенно отвоевывать у крыс пространство, перенося баррикады. Сторонники войны с подземными тварями даже высказывали позитивное мнение, что пока крысы рядом, людям не грозит голод. Правда, до сих пор никто ни одной твари не затрофеил, ибо, пока не были перегорожены проходы, боялись вызвать агрессию зубастой стаи.

Однако строительство баррикад оказалось слишком тяжелым физическим трудом для людей и без того изможденных последними месяцами экстремального существования в практически первобытных условиях. Вновь встал вопрос о переселении к океану. Сдерживало лишь прохладное время года и отсутствие там подготовленного жилья.

Возможно, случись первое серьезное столкновение с крысами до повторного облучения галантов, геологи успели бы переселиться в бухту. Но в тот день судьба вновь отвела беду от их общины. Сильный грозовой ливень загнал людей под своды пещеры раньше времени. Ненастье бушевало до поздней ночи. А утром, выйдя наружу, вместо насыщенного озоном свежего воздуха они почувствовали уже знакомый смрад пожарища.

Организовывая поселение в бухте, люди поступили вопреки предупреждениям геологов и вернулись к использованию металлов. В результате жалкая кучка повторно выживших была готова на все, лишь бы скорее покинуть проклятое место.

Теперь население пещеры увеличилось почти до ста человек.

После второго налета галантов полностью подтвердилась гипотеза Матюшина об уникальных свойствах грота, защищающего от излучения дисколетов, несмотря на открытый участок в своде. Но без тщательных исследований ученый не мог решить, является ли это следствием гигантского кристалла, экранирующих свойств поверхности озера или их совокупности. По крайней мере, ранее все существующие виды связи работали в гроте без помех.

Руководство в увеличившейся общине автоматически и без лишних возражений сохранилось за Владимиром. Но в помощь ему на общем собрании было утверждено правление. В условиях экстремального существования от поселенцев требовалось строгое соблюдение дисциплины и выполнение всех решений правления во главе с Вересовым. Для несогласных выход из грота всегда был открыт. Однако таких не оказалось. Последние либеральные настроения сгорели вместе с поселком на берегу океана.

Было строго запрещено ношение и использование металлических изделий за пределами грота и примыкающих к нему пещер. Жестко постановлялось беречь озеро от загрязнения, а кристалл от повреждений.

Общинников предварительно разделили на профессиональные группы. Основной упор делался на профессию охотников, так как общине требовалось регулярное и полноценное питание. Планировалось развивать огородничество, а по возможности и животноводство. Не менее важной была и бытовая сфера. Также составляющие треть общины дети требовали присмотра и надлежащего воспитания.

Никуда не ушла проблема с пещерными крысами, которые хоть и стали вести себя менее нагло после увеличения численности людей, но продолжали бродить по окрестным пещерам, пугая поселенцев визгливым похрюкиванием.

В общем, расслабляться и горевать об утратах времени не было. Представленный правлением ясный план действий и его четкое выполнение помогли людям прийти в себя и найти силы жить дальше. А принятые меры помогли без потерь пережить новое облучение, случившееся уже летом, и более-менее благополучно пережить следующий холодный период. В случившемся все же столкновении с гигантскими крысами погибли трое мужчин и еще девять человек получили ранения. Но и тварей побили несколько десятков, заставив тех навсегда покинуть ближайшие окрестности и в дальнейшем относиться к людям с гораздо большим уважением. А распробовав крысиное мясо, поселенцы взглянули на подземных гигантов уже с гастрономическим интересом, узнай о котором, те наверняка и вовсе поспешили бы убратся подальше.

Неоценимо пригодились познания Марии, как фито-фармацевта. Конечно, полноценной заменой лекарствам местные растения служить не могли, но изготавливаемые под ее руководством отвары, настойки и мази помогали справиться со многими проблемами медицинского характера, от простуд и до солнечных ожогов.

Странно, но отчасти благодаря именно галантам у Вересовых наконец-то появился ребенок. До этого решение заиметь детей все время откладывалось. Слишком много было интересных идей и заманчивых проектов. А тут, по выражению Матвеича, им просто стало некуда друг от друга деться. Получив на руки крохотную дочурку, запелёнатую в кусок домотканого холста, Владимир первый раз в жизни понял, что у него теперь есть за кого по-настоящему бояться.

Глава – 10

Вслед за палийским мустангом

– Пик-пик, пик-пик, – маленькие лапки переступают по моей груди в такт требовательного: – Пик-пик, пик-пик.

С трудом разлепляю веки. Мохнатая фигурка заслоняет мое лицо от ярких солнечных лучей, пробивающихся сквозь вершины деревьев. Большие уши чебурашки, просвечиваясь, словно светятся изнутри.

Заметив, что я открыл глаза, зверек разразился пронзительной трелью писков, будто бы что-то рассказывая, или жалуясь. Под этот писк вспоминаю о ночном происшествии и прислушиваюсь к собственным ощущениям – на первый взгляд все в норме. Шевелю руками и ногами – слушаются. Опершись на локти, пытаюсь подняться, и это-то движение отдается резкой болью в груди – не хило приложил меня местный котик.

Перевалившись на бок, все же кое-как приподнялся и некоторое время сидел, переживая, когда успокоится всколыхнувшаяся боль в груди.

Перед собой увидел две рытвины, похожие на те, что оставляют буксующие гусеницы боевых машин, упершихся в непреодолимую преграду. Только вдоль этих рытвин проходят глубокие борозды, оставленные чудовищными когтями. М-да, неслабо котик стартанул! Похоже, знатно я его прижег. Интересно, он теперь сможет размножаться? Или у этих гермафродитов органы размножения находятся в другом месте?

Послышавшийся стон заставил забыть о собственной боли и поспешить к лежащему под деревом Игорю. Его правая часть груди представляет жуткую рану. От вида мелких насекомых, копошащихся в луже натекающей крови и ползающих по окровавленной одежде, к горлу подступает тошнота, и слабеют ноги. Превозмогая себя, стараюсь действовать как можно аккуратней, сдираю с парня куртку. Нахожу емкость с водой и растворив в ней дезинфицирующую таблетку, промываю расплоскованную плоть.

Единственное, что могу еще сделать, нанести на рану имеющийся у меня регенерирующий гель. Однако имеющийся в комбезе пакетик рассчитан на куда менее значительные ранения. И все же старательно размазываю, а разорванный пакет приклеиваю на то место, где плоть истерзана особенно сильно.

Теперь необходимо чем-то перевязать пострадавшего. Имеющийся в комплекте с гелем пакет жидкой повязки здесь не поможет, она рассчитана максимум на обхват бедра. И все же можно наложить ее в качестве стерильной прокладки, а перевязать хотя бы теми длинными листьями, что свешиваются с закрепленного на седле навеса.

Подхожу к лежащему с другой стороны дерева седлу и пытаюсь оторвать один из листьев – не тут-то было. Интересно, у какого это растения такие крепкие листья? И растительного ли они происхождения?

В этот момент ощущаю затылком чье-то горячее дыхание. Мысли обрываются, сердце чуть не выпрыгивает из груди. Вернулся обиженный котик, и сейчас его клыки сомкнутся на моей шее?

Стремительным прыжком ухожу в сторону. В кувырке подхватываю булаву Игоря и поворачиваюсь к зверю с намерением подороже продать собственную жизнь.

– Фу-ух, – шумно выдыхаю, обнаружив перед собой не гигантского кота, а вернувшегося чешуйчатого жеребца, с интересом наблюдающего большими коричневыми глазами за моими кульбитами. Переведя дух, обращаюсь к нему: – Вулкан, я надеюсь, ты сможешь самостоятельно найти дорогу домой?

Жеребец молча смотрит на меня кажущимся заинтересованным зглядом. Хоть бы кивнул, что ли. Мне никогда не приходилось иметь дело с домашними животными, и я не знал, понимают ли они человеческую речь. По логике, должны понимать. Иначе как же ими управлять? Да и Игорь обращался к Вулкану, как к разумному. Потому, подхватив оказавшееся неожиданно легким седло, продолжаю разговаривать с чешуйчатым транспортным средством:

– Нам необходимо как можно быстрее доставить твоего хозяина туда, где ему смогут оказать квалифицированную медицинскую помощь. Поэтому, попрошу тебя двигаться как можно быстрее самым кратчайшим путем. Вот только не пойму, как это сиденье к тебе привязывается? – водрузив седло жеребцу на спину, с недоумением перебираю лишние каких бы то ни было застёжек, ремешки.

Под любопытным взглядом повернувшего голову животного в течение четверти часа привязываю к нему седло. Периодически, что-то советуя, плачет Пик, который стоит на стволе дерева параллельно земле.

Но вот седло кое-как привязано, вставлены жерди с навесом и даже прикреплены несколько толстых полутораметровых веток, на которые я намереваюсь положить Игоря.

С тревогой смотрю на пострадавшего. Он продолжает периодически постанывать, но в сознание не приходит. Может, это и к лучшему. Кое как размазанный по ране гель особой пользы не принес, но хоть, надеюсь, оказал какое-никакое антисептическое действие.

Пытаюсь поднять парня, но при первом же движении запекшаяся корка на ране трескается, и начинает сочиться кровью. Нет, все же надо наложить хоть какую-то повязку. Выкладываю на траву содержимое сумки Игоря. Кроме завернутых в широкие листья какого-то растения продуктов, нахожу моток тонкой, но крепкой веревки и острый напоминающий по форме нож осколок камня, похожего на черное стекло. С его помощью отрезаю пару длинных стеблей с навеса. Вспомнив науку капралов из учебки, обследую ближайшие заросли. Лес достаточно влажный, потому сразу нахожу мох, растущий внизу стволов деревьев. Соскоблив его, накладываю на рану аборигену, предварительно посыпав ее тремя растолченными таблетками для дезинфекции воды, и плотно забинтовываю срезанными с навеса стеблями. Надеюсь, от моего знахарства не будет вреда.

Итак, теперь надо положить раненного в связанное мною ложе. Снова обращаюсь к Вулкану:

– Опустись пожалуйста на землю. Мне необходимо положить в седло твоего хозяина. Конь не ведет ухом. Он разглядывает продолжающего попискивать Пика.

Может, он не понимает человеческую речь, и общаться с ним надо какими-нибудь условными похлопываниями? Вроде бы Игорь хлопал его по шее, когда отправлял на ночную прогулку.

Хлопаю жеребца по загривку, и тот обращает-таки на меня внимание. Снова объясняю, что надо делать, сопровождая слова жестами и давя ладонями на загривок, пытаюсь принудить Вулкана лечь. С таким же успехом можно уговаривать лечь каменную статую. Ту хоть завалить на бок можно.

Однако время не терпит. Поднимаю Игоря на руки и понимаю, что не дотянусь, чтобы аккуратно положить его на сооруженный на седле настил. Но тут Вулкан, шумно обнюхав стонущего хозяина, сам опускается на землю. Облегченно выдохнув, устраиваю раненного на настиле, для надежности привязав его найденной в сумке веревкой.

Словно сообразив, что для меня места в седле не осталось, жеребец поднимается без лишних понуканий. А я озадаченно соображаю, где находятся те веревки, называемые поводом, с помощью которых Игорь управлял конем. Вспоминаю, что повод крепился к накинутым на морду ремням. Похоже, я все это снаряжение использовал для крепления седла. Надеюсь, оно не свалится по дороге.

– Да-а, друг, вот такой вот я профан, – винюсь перед жеребцом и в сердцах лопаю его ладошкой по чешуйчатому крупу. Тот фыркает и трогается с места. – Эй, ты куда?! А впрочем, иди-иди. Я сейчас догоню.

Подхватываю сумку и оружие Игоря, и спешу за животным. Однако отчаянный писк заставляет вернуться к дереву. Чебурашка уже сбежал со ствола и теперь споро забирается на мое плечо, где обиженно затихает.

– Извини, – бросаю ему на всякий случай и уже на ходу добавляю: – С меня пара упитанных жуков. Ты только пикни, когда их заметишь.

Густые кроны лесных великанов закрывают тропу от жарких лучей поднявшегося светила. Новые солнечные ожоги мне не грозят. Но зато здесь царит удушливая влажность, и чем сильнее нагревается воздух, тем труднее становится дышать. К тому же болит отбитая кошачьими лапками грудь. Удивительно, что после такого удара целы все ребра. Нет, а здорово все-таки я этому коту горячей веткой под хвост!

Уф-ф, чо-то вчера я не обращал внимания на такую духоту. Может, потому, что ехал в седле под навесом, а сейчас приходится споро переставлять ноги, поспешая за Вулканом?

Термоткань комбинезона едва успевает отводить пот, глаза щиплет от стекающих по лицу крупных капель соленой влаги. Чтобы не отстать, держусь одной рукой за седло. Вся наука по выживанию на планетах различного типа, которую казалось бы надежно вбили в голову инструктора, исчезла на задворках сознания, угнетенная усталостью, залитая потом и задавленная всплесками боли в отбитой груди. Позже я спишу это состояние на отсутствие реального опыта одиночного выживания. А пока старательно гоню мысль о привале. Во-первых, необходимо доставить раненого Игоря... Куда доставить? Надеюсь, Вулкан знает, куда идет. А во-вторых, я просто не знаю, как заставить остановиться этого чешуйчатого монстра.

Страдая от жажды, съел оба огурца из запасов Игоря. Воду не трогал. Ее мало, следует побереечь на тот случай, если раненый очнется и захочет пить.

Лес редее, мы выходим к неширокой реке, за которой простирается холмистая степь. Вода в реке мутно-желтая. Такую чревато пить даже после обработки бактерицидными таблетками. Некоторое время Вулкан движется вдоль опушки. Солнце в зените, и его лучи напоминают мне о вчерашних ожогах. Мажусь слизистой дрянью из кожаного мешочка. После чего срываю три больших, размером с хорошую сковороду, мясистых листа неизвестного растения, связываю обрезком веревки черенки и получаю широкополую шляпу, надежно защищающую голову от солнца. Еще двумя листьями, подсунув их под рукава комбинезона, оборачиваю кисти рук.

Заодно и Пик утоляет голод, похватав прячущихся под этими листьями жучков. Жучки хоть и маленькие, но зато их много, и моему большеухому другу приходится стрелять языком как из автоматического игломета.

Лес все дальше отступает от реки, а Вулкан продолжает двигаться вверх по течению. Берега становятся пологими, и жеребец подходит к воде и начинает шумно пить. Пьет долго, а когда поднимает морду, под правой ноздрей болтается какая-то присосавшаяся зеленая гадость, размером с локоть. Гадость, попав из воды под жаркие солнечные лучи, протестующе дергается всем телом, однако от чешуйчатой морды не отлепляется. Интересно, она действительно способна что-то высосать сквозь чешуйчатую защиту жеребца?

Вулкан вытягивает губы трубочкой и всасывает гадость, словно гигантскую вермишелину. Та отрывается с чпоканьем вылетевшей пробки, исчезает в лошадином рту, и тот ее смачно пережевывает, с надеждой смотря на медленно текущую воду, словно ожидая, что оттуда выпрыгнет еще одна вкусная пиявка.

Невольно передергиваю плечами, вспомнив, сколько времени провел в местной реке в первую ночь.

– Эй, похлопываю Вулкана по крупу, – потом будешь травиться этой гадостью. Не забывай про раненого хозяина.

Презрительно фыркнув, жеребец все же отходит от воды и продолжает путь столь резво, что мне снова приходится схватиться за седло, дабы не отстать. По мере того, как мы поднимаемся на очередной холм, берега становятся крутыми. Над ними порхают стайки щебечущих пичуг, периодически ныряющих в норки, коими усыпаны обрывистые склоны. Непроизвольно наблюдая за пернатыми обитательницами речных берегов, не замечаю, как открывается вид на следующий холм. И потому невольно останавливаюсь, увидев впереди деревянную крепость, словно сошедшую с проекций галофильмов о древних землянах.

Частокол из толстых бревен огораживает довольно обширную территорию на плоской вершине холма. Судя по видимым отсюда человеческим фигуркам, высота стены не менее четырех метров. Вершина не ровная, вероятно строители не тратили время на заботу о внешнем виде сооружения, а делали упор исключительно на прочность. Местами прямо из стены высятся деревья с пышными раскидистыми кронами. Как я узнал позже, некогда растущая на холме роща этих самых деревьев и послужила материалом для строительства крепостной стены. Стекланный дуб имеет довольно прочную древесину. Тонкие доски из него, высыхая, становятся полупрозрачными и хорошо рассеивают электрический свет, придавая ему теплый желтоватый оттенок. В былые времена считалось шиком иметь светильники из стекланный дуба. Ныне же распускать бревна на доски и обрабатывать их было нечем, и ценное дерево использовалось в качестве преграды от нападения многочисленных монстров, населяющих заповедную планету.

Кроме деревьев по периметру стены располагается шесть вышек с открытыми площадками наверху. Однако наблюдателей на них я не заметил.

Внутри ограды вдоль ее периметра вижу строения, разглядеть в подробностях которые с такого расстояния и под таким углом было невозможно. В центре пустая площадь.

За стеной склоны и подножие холма расчерчены на ровные прямоугольники. Это, как я догадался, и есть те самые огороды, на которых выращиваются натуральные не синтезированные продукты, доступные на промышленных планетах только очень состоятельным людям.

Пока я смотрел на поселение, Вулкан удалился от меня на приличное расстояние. Пришлось догонять его бегом. При этом отбитая грудь отзывалась такими протестующими вспышками боли, что перехватывало дыхание, и хотелось лечь на землю, заползти в тень растущих поблизости кустов и отдохнуть часок-другой. Еще и чебурашка возмущенно запищал, недовольный сотрясением от бега.

А может, и действительно плюнуть на все, завалиться в кусты и дожидаться вечерней прохлады? Тем более, что жеребец теперь и без моего участия доставит Игоря в поселение. Если бы не жажда, то так бы и сделал.

Все же догоняю Вулкана и хватаюсь за седло.

Кажется, нас заметили. Навстречу на таких же чешуйчатых жеребцах несутся два всадника. На их головах широкополые плетеные из тонких веток шляпы, вполне надежно скрывающие от солнца. Когда встречающие подъезжают ближе, вижу, что это мальчишки лет тринадцати. Одеты ребята в просторные рубахи и штаны, пошитые из грубой серой ткани. Бросаются в глаза продетые в веревочные стремяна голые ступни.

Мальчишки в свою очередь разглядывают меня с таким интересом, будто впервые видят постороннего человека.

– Ух-ты, чебурашка! – тычет пальцем в Пика один из них. Пушистый ушастик игнорирует обращенное на него внимание.

– Его необходимо срочно доставить к доктору, – киваю на Игоря.

Мальчишки заглядывают под навес над седлом Вулкана и встревоженно вскрикивают.

– Что с ним? – спрашивает тот, который удивился Пику.

– Не поделил территорию с мраморным котом, – хриплю устало и, видя, как от услышанного расширяются глаза у ребят, прикрикиваю на них: – Срочно везите его к доктору!

Те делают попытку ухватить Вулкана за повод, но, обнаружив отсутствие такового, хватают притороченные к седлам короткие палки и начинают неистово колошматить жеребца по заднице. Тот срывается с места в галоп. Пацаны погоняют своих скакунов следом.

– Эй! – встревоженно кричу им вслед, опасаясь, что либо Игорь вывалится из седла, либо свалится само седло. Но они уже унеслись достаточно далеко, и моего хриплого оклика не слышат. А между прочим, один из них мог бы подвезти меня. Ну, да ладно, доковыляю сам.

Все же меня подвезли. Когда я подошел к чисто символическому жердяному заграждению вокруг поля с низкими широколистными растениями, вновь увидел выехавшего навстречу всадника. На этот раз в седле взрослый мужчина. Короткая темно-русая борода, длинные с проседью волосы стянуты в хвост. Цепкий взгляд карих глаз внимательно ощупал меня, задержавшись на притихшем Пике и уделив особое внимание моему одеянию. На аборигене такая же одежда, как и у Игоря. Соскочив с коня, он протягивает мне ладонь, на которой не хватает безымянного пальца.

– Михаил.

– Олег, – отвечаю на крепкое рукопожатие, решив так же ограничиться одним именем.

Ничего больше не сказав, лишь еще раз окинув меня взглядом, мужчина ловко вскакивает обратно в седло и, кивая себе за спину, коротко приглашает:

– Садись.

Глава – 11

Дайвер

Когда-то, закончив ПТУ по специальности оператор промышленных роботов, Вадим Маракевич попал по распределению работать на горно-добывающую станцию, ведущую разработку породы в прибрежных скалах необитаемой планеты, суша на которой составляла лишь десятую часть. Там он познакомился с командой дайверов-кладоискателей из Британии. Они путешествовали по галактике, зарабатывая на жизнь тем, что разыскивали в морских глубинах рухнувшие туда еще в эпоху Звездных Войн космические корабли и станции, в недрах которых сохранилось много ценного. Так-как занять досуг на этой забытой богами планете было абсолютно нечем, Вадим проводил его с дайверами, которые не возражали против бесплатного помощника. Взамен они обучили парня премудростям подводного дела, попутно заразив азартом кладоискательства. А когда они обнаружили полуразвалившийся боевой автоматический модуль, в котором сохранилась какая-то супер дорогая линза, и получили на свои счета полагающийся процент от стоимости находки, равный сумме двух-годового заработка молодого оператора роботов, Маракевич попросту заболел идеей столь романтического и, казалось бы, легкого обогащения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.